

Ана
Сакру

Виктория
Анкай

(Не) мой
ПРОФЕССОР

Ана Сакру Виктория Анкай (Не) мой профессор

<https://litres.ru/74205303>

Аннотация

Печатную версию книги можно найти на ВБ и Озон

Эдуард Альбертович - новый преподаватель философии в нашем ВУЗе. Красивый, умный, сексуальный, свободный... По нему сходят с ума все девушки, начиная с педагогов и заканчивая студентками.

А он...Он тоже отвечает взаимностью и тем, и другим.

А конкретнее - нам обоим...

#сцены_секса_спорного_характера

ЭКСКЛЮЗИВНО НА ЛИТНЕТ

Авторы не в себе. Возможен БДСМ, МЖМ и апокалипсис.

Другая наша совместная история в этом жанре "Он (не) твой"

Содержание

1. Люда	4
2. Лера	16
3. Люда	33
4. Лера	45
5. Люда	61
6. Люда	75
7. Лера	86
8. Лера	99
9. Люда	113
10. Люда	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

1. Люда

Да заткнёшься ты или нет...

Протянула руку, нашарила на тумбочке чёртов телефон. Третий раз подряд за последние пять минут ткнула пальцем в экран, заставляя замолчать осточертевший будильник. Повернулась на другой бок, натянула одеяло до самых ушей...

Ненавижу утро. Терпеть не могу осень и дождь за окном. На дух не переношу собачий холод и нервное дорожное движение в час пик. И вообще, это не моя жизнь, я совсем не об этом мечтала когда-то...

Мобильник снова взорвался весёлой трелью, так и напрашиваясь на то, чтобы я швырнула его об стену. Но мы оба знаем о том, что я так не сделаю - мне ещё четыре месяца за него кредит выплачивать. Поэтому он и орёт как ненормальный, намекая на то, чтобы хозяйка просыпалась и топала на работу, дабы потом ровно четверть преподавательской зарплаты отдать в качестве очередного взноса за этот бесполезный по сути гаджет...

Со злостью отшвырнула одеяло. Сцепила зубы, чувствуя, как привычная сырость и утренний холод мёртвой хваткой впиваются в голые плечи и лезут под пижаму, отгоняя остатки сна... Самый отвратительный момент после пробуждения, да. Чертыхнулась, поднимаясь с постели, сунула ноги в тапки, потянулась к халату...

Всё не так и плохо, верно? Не проспала - уже плюс. Сегодня у меня всего три пары, потом окно, за которое можно успеть оформить хотя бы часть дурацкой стенгазеты по теме древних мифов, потом собрание в группе (его я смогу сократить до пятнадцати минут), одна дополнительная лекция, и на этом всё. Наконец снова получится вернуться домой. Сюда, в унылую хрущёвскую двушку... Чтобы на скорую руку сварганить ужин, в конце концов начать подбирать материал для зимней сессии, выбрать тему следующего сочинения по драматургии для третьего курса, накидать план на ближайшие пару недель касательно истории мировой живописи, и самое моё нелюбимое - подготовить лекцию по приёмам создания художественного текста... Господи, я очень люблю свою работу, но иногда я её просто ненавижу. Например, сейчас...

Закрыла глаза, обняла себя за плечи, прислоняясь виском к холодильнику, дожидаясь, пока закипит чайник. Как же хочется спать...

Вздрогнула, когда из глубины квартиры внезапно загрохотала оглушающая бодрая музыка - дочь снова поставила таймер на музыкальной колонке, чтобы проще было проснуться. Заодно разбудить весь дом, дабы потом в мою сторону косились все соседи. Как же бесит, а...

Надеждам на пять минут одиночества и тишины с чашкой кофе перед работой не суждено сбыться, увы.

Сердито прошла мимо своего незастеленного дивана,

толкнула дверь в смежную комнату. Поморщилась, затыкая ладонями уши и пытаюсь найти глазами пульт от этого давящего на мозг басами и красной моргающей подстветкой монстра, стоявшего на столе и изрыгающего из себя чудовищные звуки, именуемые нынешней молодёжью музыкой.

- Лера! Лер! - я безжалостно сорвала с дочери одеяло. - Валерия!

- Ну чтоооо... - та страдальчески протянула сквозь сон, с закрытыми глазами пытаюсь удержать край пододеяльника.

- Выключи музыку! - я с трудом сама могла расслышать собственный голос.

Дочь недовольно поморщилась, но глаза не открыла. Демонстративно нажала кнопку на часах, которые не удосужилась даже снять с запястья перед сном, и этот зверский рёв прекратился также внезапно, как и начался.

- Довольна? - Лера язвительно поджала губы, всё-таки вырывая одеяло из моих рук и накрываясь с головой.

- Вполне. Вставай! На учёбу пора.

- Кофе сделаешь?

- Сделаю, - я вздохнула, подбирая с пола валявшийся томик стихов, который сама же брала для неё в нашей студенческой библиотеке. - Приходи на кухню.

- Может, сюда принесёшь? - Валерия приоткрыла один глаз.

- Нет. И не ставь больше будильник, просила же... - я аккуратно положила книгу на край стола - ну вдруг когда-нибудь

она всё-таки проникнется любовью к чтению так же, как я в её возрасте...

- Мааам... - в голосе дочки прорезались плаксивые интонации. - Может, я сегодня не пойду на учёбу...

- Лера! Не начинай! - я поспешно шагнула к двери, не желая ссориться с дочерью с самого утра. - Поднимайся немедленно!

Вот я в её возрасте даже не думала о том, чтобы пропустить занятия! Впрочем, мать бы мне этого никогда и не позволила. А я вполне могу под настроение махнуть рукой и разрешить Лерке прогулять первые пары... Но не в начале года же!

- Лер, вставай! - крикнула на всякий случай, возвращаясь на кухню. - Кофе уже готов!

- Иду... - долетел мученический ответ...

Я так мечтала, что дочь пойдёт по моим стопам - станет преподавателем... Пусть не литературы, но истории, как её бабушка... Но Лера даже не думает о такой перспективе. Вообще ни о чём не думает! Единственное, что я смогла сделать - это пропихнуть её на факультет философии в нашем ВУЗе, где было свободное место на бюджете. Естественно, заставить её выбрать профессию я не могу, но иногда мне искренне жаль, что у дочки нет тяги делиться знаниями и учить чему-то других людей. И бабушка пыталась после школы вразумить внучку, но увы - на этот раз не вышло даже у неё...

Рука с чайником дрогнула, когда в кармане халата зазвонил

нил телефон. На экране высветилось холёное лицо улыбающейся на камеру матери - игривый взгляд, идеальная филлерная подтяжка, аккуратная контурная пластика губ, точёные плечи, ярко-алые длинные ногти... Она в свои пятьдесят четыре выглядит как модель с обложки глянцевого журнала. Тогда как я в свои тридцать шесть без слёз в зеркало взглянуть не могу... Тьфу-ты, совсем забыла, что нельзя упоминать бабулю всуе, иначе она материализуется на внешнем плане. И как ей это удаётся - звонить так чётко не вовремя...

- Да, мам! - по спине прошла дрожь омерзения от самой себя, когда я с излишним фальшивым воодушевлением бодро рявкнула в трубку.

- Доброе утро, Людочка, - выдержанный строгий голос матери для моих ушей проскрежетал камнем по стеклу.

- Доброе утро!

- Как вы там? Валерия уже встала? Как у неё дела? Молодой человек появился наконец? А ты как? Так и не решилась ответить на ухаживания Петра Владимировича?

Закрыла на миг глаза, втягивая носом воздух. Нет, я себя считаю вполне терпеливым человеком, но я просто не понимаю, как можно в такую рань вот так спокойно и умиротворённо разговаривать? Словно жизнь - рай земной, будто у тебя в запасе ещё миллион лет молодости и красоты, и вообще всё прекрасно и сказочно? А не вот это вот - унылое серое утро, впереди чёртов рабочий день, дождь вторую неделю...

- Мам! Ну какой Пётр Владимирович?! - я неловко попыталась скрыть раздражение. - Ему шестьдесят восемь скоро! И он опять затопил мне кухню, потому что у него засорилась раковина, и он не заметил, что вода льётся на пол...

- Людмила, избавь меня от подробностей вашей коммунальной жизни, - голос матери зазвучал строже. - Зря ты, конечно... Ты даже не представляешь, что с мужчиной способна сотворить молодая женщина...

- Я не молодая, мам!

- Для него молодая! - в её тоне послышался металл. - Ты никогда мать не слушаешь! - она тоже терпеливо выдохнула, сменила интонацию. - Ну да ладно, дело твоё. Валерия как?

- Хорошо, - я тоже привычно проглотила недовольство. - Сейчас завтракать будем...

- Яйца на завтрак приготовь - они полезны. Желательно салат с зеленью и отрубями сделай. И овсянку свари - хоть силы будут. И кофе меньше пей, слышишь меня?

- Конечно слышу, мам... - я щедрой рукой насыпала две ложки растворимого кофе в чашку и залила кипятком. Достала из хлебницы батон и полезла в холодильник за копчёной колбасой. - Долго это всё готовить...

- А ты куда спешишь-то? Жить надо здесь и сейчас, а не откладывать на потом...

- Ой, мам... Всё, мне некогда, Лера вон идёт...

- Привет ей от бабули передай!

- Обязательно! Пока! - я нажала отбой.

Глубоко вздохнула, тихо ненавидя себя за то, что сейчас на столе не овсянка с салатом и зеленью, а бутерброды из зачерствевшего батона и заветренного хвостика краковской. Мама всегда была такой - строгая, уверенная в себе, хозяйственная. Она прекрасно умела рассчитывать деньги, и даже когда у нас случались трудные времена, мама умудрялась без проблем протянуть от аванса до зарплаты, при этом отложить некоторую сумму мне на новое платье, приобрести в киоске какую-нибудь книгу и не забыть купить себе помаду или лак для ногтей. Она и меня пыталась воспитать такой же, но... Что-то явно пошло не так. Впрочем, общего у нас тоже достаточно - меня также бросил жених сразу после того, как я забеременела. А сейчас вот Лерке восемнадцать, и мы обе держим за спиной скрещенные пальцы...

Древний Опель, пропитавшийся дождливой сыростью и промёрзший за ночь, завёлся лишь с пятого раза. Дочь брезгливо морщилась, дожидаясь, пока я смогу наконец разогреть двигатель - для неё наш автомобиль был и остаётся семейным позором. А я в свою очередь просто рада тому, что у нас есть хоть какое-то средство передвижения. Пусть оно и досталось мне от матери - двадцать лет назад мама просто не смогла продать эту рухлядь, и машина медленно превращалась в труху, застряв под окнами её квартиры. И когда я предложила забрать ненужный ей автомобиль, ибо сама родительница на тот момент уже вовсю разъезжала на новень-

ком Пежо, мать с радостью избавилась от своей купленной когда-то с рук за бесценок машины, даже на свои деньги частично вдохнула жизнь в проржавевший мотор... Конечно, теперь мне приходится регулярно самой тратить на то и дело ломающиеся запчасти, но это всяко лучше, чем ездить общественным транспортом. Жаль, Лера этого не понимает...

- Мам, ну выжми педаль уже...

Стиснула зубы, пропуская на повороте поток бесконечных машин. Бросила недовольный взгляд в сторону дочери - пусть сама на права сначала сдаст, а потом умничают...

- Лер, а краситься так обязательно? - я всё-таки не сдержалась, отводя глаза, чтобы не видеть на когда-то по-детски милым личике эти толстые чёрные стрелки и обведённые карандашом брови, дополненные кроваво-красной помадой, смотревшейся действительно жутко на по-девичьи пухлых губах. - Слишком вызывающе, тебе не кажется?

- Лучше так, чем как ты, то есть вообще никак, - дочь демонстративно отвернулась к забрызганному грязью окну, предпочитая смотреть на потоки дождевых капель. - Мне нравится, и точка.

Тяжело вздохнула, едва не упустив момент, когда можно наконец повернуть руль и вклиниться в движущийся поток машин. Надавила на газ...

А мне вот нравилось, когда у дочери были длинные светлые волосы. Когда я заплетала ей косички перед школой, гла-

дила белые блузочки и отпаривала юбки. А теперь мне просто не понять эту молодёжную моду - клоками выстриженные патлы, покрашенные в чёрный цвет, какой-то балахон вместо платья, мужицкие ботинки вместо туфельек... Но я не лезу, да.

Протянула руку, нажала на кнопку магнитолы. По салону поплыла какая-то песня...

Плевать, что там поют. Диалог у нас с Лерой, как всегда, не клеится, но ехать в тишине совсем тоскливо...

Пропуск опять не сработал. Дочь давно убежала, а я торопливо заполняла бумаги и писала объяснительную, косясь сквозь стекло на пустеющий турникет и последних опаздывающих студентов. А ведь ещё только начало дня, Господи...

По спине градом катился пот, пока я неслась по коридору мимо аудитории, торопясь на кафедру. Второе опоздание с начала учебного года. Почему-то мне разнос всегда устраивают по полной программе, тогда как вон нашей Мариночке только грозят пальчиком и закрывают глаза на частые задержки - у неё же ребёнок маленький, хорошо, что она вообще решила выйти из декрета... А мне зав. кафедрой Николай Валерьянович точно на этот раз прилюдную порку устроит, да.

Я уже слышала в голове его верещащий противный голос, отсчитывающий меня вроде как в шутку, но на самом деле скорее из желания докопаться до кого-нибудь из преподава-

телей прямо с утра: "Людмила Витальевна, ну что же Вы... В который раз... Ни мужа, который мог бы Вас задержать, ни собачки, которую надо выгуливать, ни больной родственницы, тьфу-тьфу-тьфу, ради которой надо за лекарством в аптеку забежать... А Вы опаздываете! Нехорошо, знаете ли..."

Толкнула дверь, искренне надеясь, что все уже разошлись по аудиториям, и я застану здесь максимум несколько человек...

- Доброе ут...

Прикусила язык, тихо прикрывая за собой дверь и пытаюсь отдышаться. На цыпочках прокралась к своему месту, с любопытством глядя в спину незнакомого мужчины, стоявшего лицом к остальным. Николай Валерьянович, что-то говоривший до моего появления, лишь проводил мою сгорбившуюся фигуру коротким недобрый взглядом, но ничего не сказал. Продолжил вполне дружелюбным тоном свою прерванную речь:

- ... В лице Эдуарда Альбертовича наши студенты получают замечательного преподавателя философии, который сможет научить их...

Подняла голову, дабы разглядеть повнимательнее, кого там с таким торжественным пафосом восхваляет Коленька. Замерла на миг, как-то сразу и бесповоротно встречаясь с открытым и чуть ироничным взглядом незнакомца, направленным в мою сторону...

Сердце отчаянно дрогнуло от столь пристального мужского внимания. Под языком мгновенно скопилась сладковатая слюна, мышцы внизу живота напряглись, в груди запорхали бабочки...

Какой мужик, однако... Боже...

Зрительный контакт прервался, холодный серый взгляд обратился на зав. кафедрой. На миг испытала острое сожаление... Выдохнула, словно вынырнула из глубины на поверхность. Обвела глазами мужской силуэт - расслабленная поза, руки в карманах идеально сидящих брюк графитового цвета, запахнутый пиджак, белоснежная рубашка, чеканный профиль как с портретов древнеримских богов, короткая ухоженная щетина, изящная небрежная причёска...

Закусила губу, опуская взгляд. Философ, значит. Как там сказали... Эдуард Альбертович? Кажется, ему определённо идёт это имя...

Я вновь украдкой взглянула вперёд. Тут же снова опустила глаза, безбожно краснея, когда Эдуард, словно ощутив мой взгляд, повернул голову... Покосилась на других преподавателей - все, абсолютно все девчонки смотрели на нового философа с таким же щенячьим обожанием, как я. Даже вон дородная Алевтина Егоровна, преподававшая ещё во времена учёбы моей мамы, улыбается...

Дурацкое жжение между ног, словно я мужика сто лет не видела. Впрочем, да. Не видела. Разве можно нашего кругленького Василия Ивановича или худого как вобла Алексея

Сергеевича назвать мужиками в полном смысле этого слова?
Так, женатые недоразумения.

А этот...

Едва не застонала, до боли кусая губы и на миг прикрывая глаза...

Господи...

- Людмила Витальевна! - насмешливый голос Николая Валерьяновича нагло ворвался в мои развратные пошлые мысли. - Студенты ждут! Пора!

- Конечно, - нелепо улыбнулась, подскакивая с места. Успела проводить глазами исчезающую за дверью спину в тёмном пиджаке...

Эх. Но как же хорошо, что его определили к нам на факультет, и я смогу любоваться этим экземпляром ежедневно...

2. Лера

Приезжать вместе с матерью в универ на нашем заставшем Чингисхана опеле, который уже лет десять как не красный, а просто ржавый - отдельный вид мазохизма, доступный мне каждый день.

И я бы ездила сама, но от нашего дома до универа надо добираться с двумя пересадками, а восьмой троллейбус ходит раз в полчаса. Поэтому между перспективой встать с петухами и минутным позором, который переживаю, когда выхожу из пропахшего бензином и безысходностью опеля, я конечно выбираю второе.

И это бесконечный повод для шуток самой дебильной части моих одноклассников, коих, по закону подлости, большинство.

Ведь что такое философский факультет в провинциальном городе, едва насчитывающем пятьсот тысяч человек и потерянном где-то в центре карты нашей бесконечной Родины? Вы не знаете?

А я вам скажу - это двадцать дур, которые мечтают побыстрее выйти замуж и залететь четко перед госами и ди-

пломом, потому что с пузом сдать всегда легче, и шесть дебилов, косящих от армии и больше не поступивших никуда.

А, да, ну и я, которая не способна определить себя ни к первым, ни ко вторым, так как замуж я точно не собираюсь, а армия мне не грозит.

- У тебя сколько пар сегодня? - поинтересовалась мать, пикая сигнализацией, которая выглядит для этой развалюхи как насмешка.

Кто додумается её угнать?!

Ну разве, чтобы бомжи не ночевали...

- Три, - буркнула, быстрым шагом направляясь к главному входу, у которого как назло курили Реутов с Жаровым. Заметив их насмешливые взгляды на себе, сгорбилась, натягивая капюшон толстовки на самые глаза, прибавила шаг.

Проскочить бы быстрее...

Мать устремилась следом. Отстала бы уже, а!

Но нет, ей обязательно дёрнуть меня за плечо, поправить быстро намокающую под мерзким морсящим дождем чёл-

ку. Отшатнулась от её назойливой руки, улавливая смешки Реутова с Жаровым на заднем фоне, и почувствовала укол совести, увидев, как тут же страдальчески поджались у мамы губы, и как мутно заблестел взгляд.

Эта её способность расплакаться за секунду всегда невероятно бесила. Даже в пять я иногда чувствовала, что взрослая здесь я. Достаточно сказать, что, когда проходила адаптацию в саду, воспитательница утешала не меня...

- Всё в порядке, мам, - сама быстрым движением поправила чёлку.

Отвернулась, еще ускоряя шаг. Мама семенила рядом, поглядывая на часы.

- Чёрт, опозываем опять, сейчас от Николая Валерьяновича выслушивать...- запричитала родительница себе под нос, пока взлетали по щербатым ступенькам.

- Молодые люди, почему не на парах? - это уже строгим менторским тоном бросила мать на бегу Жарову с другом.

- Вашу дочь вперёд, здравствуйте, Людмила Витальевна, - без намека на уважение в голосе отозвались парни и, кинув бычки будто специально мимо урны, пошли за нами.

Я не уверена, что они смотрели прямо мне в спину, но всегда обладала чересчур развитым воображением, и потому лопатки свело под тяжестью фантомного внимания. На металлической рамке не выдержала и обернулась, пока пропуск загорался зеленым на турникете.

Не показалось - пялились в упор. Реутов ещё и подмигнул, пихая язык за щеку. Мудак...Резко прокочила турникет, прикрывая глаза, пока мама возилась со своим пропуском, задерживая этих идиотов.

Он у неё барахлит уже третью неделю, но она до сих пор не в состоянии его поменять. Видимо ей нравится каждый раз краснеть и зачем-то оправдываться перед охранником на турникете, которому на неё глубоко плевать.

Радуюсь внезапному одиночеству, я взлетела по лестнице на второй этаж, свернула направо и торополиво пошла по щербатому просторному коридору к нужной аудитории. Вокруг уже не было никого, лишь в нишах низких арочных окон торчали студенты парочками или по трое, всем своим видом показывая, что и не собираются на занятия.

Я успела дойти до самого конца холла, когда сзади раздались быстрые тяжелые шаги. Обернулась. Жаров...Бл...

- Эй, Кобылкина, на хер пары! Может лучше в туалет? У меня как у мерина...- крикнул этот дебил на весь коридор.

С подоконников раздались жидкие смешки. От души показала Жарову фак.

- Пошёл ты! - и дернула дверь аудитории на себя, - И я Конева, лучше запомни.

Старинная трехметровая двухстворчатая хрень не поддавалась. Дернула ещё раз. Дверь, наконец, скрипнула, открываясь.

- А в чате ты смелее была, - не унимался Жаров, подходящий всё ближе, - или ты только перед иностранцами такая развратница, а?

Показала фак ещё раз и влетела внутрь. От души хлопнула дверью. Аудитория уже была полной, две группы расселись за обычными школьными партами.

- Лерка, чё шумишь? - недовольно протянула Регина, бросая в меня раздраженный ленивый взгляд из-под наращенных ресниц.

- Ничего, - буркнула, оглядывая аудиторию в поисках свободного места.

На галерке была пара пустых парт, но так и Жаров устроится там же, а в середине всё занято. Потому я вздохнула обреченно и устроилась рядом Колясиком, местным улетевающим заучкой, прямо напротив преподавательского стола.

От Колясика как всегда несло козлом, и я незаметно поморщилась.

- Привет, Лер, - пронудил, наклоняясь ближе.

Сморщила нос, стараясь не замечать перхоть на его плече.

- Привет, Коль, - и полезла в сумку за бумагой и ручкой.

И замерла, поднимая взгляд на зашедшего в аудиторию незнакомого мужчину. И, судя по мгновенно воцарившейся мёртвой тишине, замерла не только я.

Боже...Какой...Мужик...!!!

К щекам прилила кровь, сердце странно застучало, и легкость пузырьками стала подниматься к груди от низа живота. Это...кто?

- Молодые люди, здравствуйте, - его голос, низкий и глухой, достающий до самой души, купольным звоном разлетелся по аудитории, - Я ваш новый преподаватель философии, Эдуард Альбертович Савицкий. Кто не запомнит так, прошу записать.

- Ну что ж, господа, - нараспев проговорил Эдуард Альбертович, начиная медленно расхаживать по аудитории, с интересом, цепко и оценивающе разглядывая доставшихся ему студентов, - Я знаю, что философию вам уже преподавали, но совершенно не знаю как, поэтому мы с вами снова обратимся к истокам. Итак...

Он прошёл немного вглубь между рядами, заставляя всех с первых парт, обернуться, включая меня. Молча вырвал из рук опешившей Регины телефон и положил его на край стола, сопроводив это действие выразительным предупреждающим взглядом. В кабинете мгновенно повисла гробовая тишина, природу которой сразу объяснить мне было сложно. То, что делал этот новый преподаватель с точки зрения логики было возмутительно, но он делал это с такой подавляющей уверенностью, что сомневаться в его праве просто в голову не приходило. Весь курс онемел и притих, ожидая, что дальше.

А Регина, рядом с которой он стоял, и вовсе воззрилась на него как на бога. Будто вырвав трубку из рук, он её не пристыдил, а честь оказал. Он снисходительно улыбнулся ей

в ответ и прошел обратно к доске.

- ...Начинаем нашу первую лекцию под названием «что такое философия», - продолжил тем же глубоким, внятным голосом Савицкий, обернулся к залу, внезапно подмигнул, - Тема сама по себе достаточно смешная...

И все разом заулыбались, словно он был дирижером, подавшим оркестру знак.

- И по сути своей это будет лишь небольшое предупреждение к нашему курсу лекций и семинарским занятиям...

И все разом расслабились. Атмосфера в аудитории потеплела на пару градусов, на галерке послышался шепот. Эдуард Альбертович сощурился, разглядывая, кто это там рискнул подать голос, и снова воцарилась полная тишина.

- Почему эта тема смешная? – продолжил Савицкий своим вибрирующим, отдающим в груди голосом, - Потому общего однозначного ответа на то, что такое философия – не существует.

Он широко мазнул взглядом по аудитории и...неожиданно поставил точку на мне. Какая-то секунда, но мы четко смотрели друг другу в глаза, и я заметила, что его удивительно синие...

Дыхание сперло, кровь прилила к щекам. Растерялась...

Он отвернулся и продолжил лекцию, а я уже не слышала ничего из-за шума, стоявшего в ушах. Нервно фыркнула, опуская глаза в раскрытую тетрадь, и начала бездумно выводить на полях какие-то закорючки. Лишь иногда вскользь

поглядывала на нового преподавателя. Украдкой рассматривала его.

Возраст? Мне сложно понять. Может быть ровесник моей матери... Худощавый, но широкоплечий - рубашка так красиво обтягивала его торс. Высокий, излучающий что-то неуловимое мужское, с идеально симметричным, будто не природой созданным лицом, аккуратной щетиной-бородой, каштановыми волосами, доходящими почти до плеч, с вальяжной и в тоже время отточенной походкой, четкими, уверенными движениями, давящей аурой уверенности в себе, позволяющей ему легко удерживать внимание всего курса.

- ...Есть у неё одна определяющая черта, - вещал Эдуард Альбертович, присев на край преподавательского стола, от чего серые брюки красиво обтянули его бедро, - Философия часто воспринимается как синоним человеческого разума. Когда-то её так и понимали. Если человек разумен, то он обязательно философствует...

С галерки слышались смешки, полетели оборванные шуточки, многие примерили это на себя.

- ...Почему так? – лишь на полтона поменял голос Савицкий, и все опять замороженно замолчали, - Предположим, что разум появляется у человека тогда, когда он отделяется от природы...

Я слушала его также внимательно как все и невольно погружалась в тот мир, дверь в который он сегодня для нас лишь приоткрывал. В какой-то момент перестала прятать

взгляд, подперла ладонью щеку и ловила каждое его движение, мимику, улыбку. Мне было действительно интересно.

И даже то, что жизнь моя – полное дерьмо, и особенно сейчас, как-то отошло на второй план.

Ровно до перерыва.

Потому что в перерыве мне захотелось пописать, и я, пребывающая после первой половины лекции в каком-то странном убаюканном состоянии и совсем забыв, что выходить одной в коридор и вообще куда-нибудь мне не стоит, пошла в туалет.

К сожалению, до женского дойти так и не удалось, потому как, стоило свернуть в конце коридора в темный предбанник к уборным, как кто-то схватил меня сзади, с размаху зажимая потной, пропитанной табаком ладонью рот, и рывком затащил в мужской.

Сердце испуганно трепыхнулось в груди, скатываясь к нитевидному пульсу. Окаатило ватной волной. Я попыталась вырваться или хотя бы от души лягнуть Жарова ногой, но удар вышел смазанным и вызвал у Андрея лишь смех.

- Давай, Реут, дверь держи.

- Ок, - Стас облокотился спиной о дверное полотно и чуть склонил голову, с липким любопытством наблюдая за мной и Жаровым, который, поволок меня в дальнюю кабинку у окна, служащую уборнице чем-то вроде подсобки.

- Ну что, Лерка, поболтаем? Или сразу к делу, а?

- Отвали, придурок, что ты доебался до меня! – зарычала, когда он наконец убрал руку с моего лица и толкнул к крашенной грязной стене.

- А то ты не знаешь, что, - хмыкнул Андрей, наступая.

Попятилась от него, задела помойное ведро, с железным лязгом опрокинувшееся на кафель, чуть не потеряла равновесие и вжалась в стену. Лёгкие разъедала противная вонь общественного туалета - смесь сырости, хлорки и какой-то кислятины. А в мозг проникал страх, становящийся почти животным по мере приближения Андрея.

Страх, который ни за что нельзя этим придуркам показывать.

- Ну и что ты делать собрался? – попыталась изобразить снисходительную улыбку, но мышцы лица – будто после инсульта, не слушались, и вышел лишь жалкий оскал загнанного в угол зверька, - Изнасилуешь меня что ли? Ну давай, Жаров, это статья. Даже твой папочка не отмажет.

- И зачем же мне тебя насиловать, Конева, если ты сама у меня с радостью отсосеешь? - Андрей уперся ладонью в стену у меня над головой, наклонился и боднул лбом, заставив от него отшатнуться.

Сзади раздался масляный смех Реутова, которому, похоже, надоело быть лишь наблюдателем и он, схватив стоявшую в углу старую швабру, подпер ей дверь и тоже подошел ко мне.

- Нам двоим, Лерчик, - обступил с другой стороны, - Было

у тебя когда-нибудь двое?

Парни снова заржали, а у меня вдоль позвоночника выступил холодный пот. Судорожно пыталась придумать выход из ситуации, метаясь взглядом от одного к другому, но его просто не было!

- У меня и одного не будет, идиоты, - прошипела, очень надеясь, что уверенно, - В меню «пососать» нет, извините, только оторвать могу.

- Ты смотри какая дерзкая, - фыркнул Стас и потрепал меня по голове словно собаку, лохматя отрастающую стрижку.

Ударила его по руке. Но ко мне уже тянулся Андрей с другой стороны.

- Весело-весело, Конева, но давай уже серьезно, а? Надоело за тобой бегать, - подцепив мой подбородок пальцами, резко повернул мне голову, заставляя глядеть ему глаза в глаза, - Расклад ведь простой, лохушка - стартаперша. Ты нам сосешь, а мы, так и быть, не рассказываем никому твои шалости в даркнете с попыткой продать целку какому-то иностранному херу, да? И тебе хорошо, и нам неплохо, и мамашка твоя на весь универ благодаря такой дочурке не опозорится, да? Даже целкой останешься. Огонь же...

- А я бы трахнул... - с сожалением протянул Стас, - Андрюх, давай трахнем, а?

Покрутила перед его носом фак, так и смотря в глаза Андрею.

- Да не, зачем девочку портить, да, Конева? – обманчиво

ласково протянул Жаров и провел большим пальцем по моей нижней губе, оттягивая её вниз, - Или ты не девочка? Напиздела? – карие глаза вцепились в моё лицо двумя рыболовными крючками.

Сглотнула вкус его кожи, дернулась в бессмысленной попытке вырваться, в уголках глаз стремительно начали набухать слёзы. Такая беспомощность накрыла, что тело оцепенело.

Ну что я могу им сделать? Что???

Когда я выставляла то объявление, я не совсем не думала о возможных последствиях.

Вообще не думала, блять...!!!

Ссора с матерью из-за в миллионный раз сдохшего опеля, нравоучения бабушки о том, что в мои годы она уже всё сама...

И я психанула, хоть и не воспринимала это до конца серьёзно... Скорее просто не верила, что кому-то нужна моя несчастная девственность за почти полмиллиона. Когда мне написал какой-то Билл Хатчинсон и начал договариваться, я все равно не верила, что до сделки дойдет, но переписывалась с ним, да. И даже послала пару фоток в белье.

Но это ведь так, дебильная игра.

Считаете, что не смогу заработать на машину? Пф! Я сказала, что, если захочу, и за месяц вопрос решу.

Вот. Решила...

Кто ж знал, что Билл- это Андрей Жаров, главный при-

дурок всего нашего потока, который залез в мой телефон и увидел объявление, когда я забыла мобильник в столовке...

- Ну-ну, не реви только, Лер, - усмехнулся Андрей, наваливаясь всем телом и толкая палец мне дальше в рот, от чего глаза мои шокировано распахнулись, - Чего реветь? Как пара леденцов... Пару минут...

Криво улыбнулся, давя прокуренным пальцем мне на корень языка. Рвотный рефлекс не заставил себя ждать. Дернулась, закашлявшись, согнулась пополам, сдерживаемые горячие слёзы тут же рекой потекли... Чёрт. Всклипнула, выпрямляясь и вложила в горящий злобой взгляд всё, что я думаю и об этом мудаке, и его предложении. Но Жарову было откровенно плевать

- И всё, - продолжал он тем же лаковым издевательским тоном, - Тему закроем. Мы ж не звери, да, Стас?

- Конечно, Андрюх. Давай, Лерчик, прям тут.

Реутов вжикнул ширинкой. Я испуганно охнула.

- Не будешь сосать – будем ебать, - нараспев сообщил Жаров.

- Да пошли вы! – вскинулась я, пытаюсь выплыть из захлестывающего отчаяния.

От ощущения тотальной беспомощности скрутило живот. Сдали нервы. И я под влиянием порыва со всей силы оттолкнула Жарова от себя.

Он не ожидал – отшатнулся, чуть не упав.

- Эй, что такая смелая!

- На хуй идите оба! – и Реутова толкнула тоже, но он уже был готов и перехватил мои запястья, заламывая руки за спину. Начала вырываться.

- Пусти! Пусти! Пусти-и-и!

- Дура, не вопи, - Жаров подлетел снова, зажал мне ладонью рот.

Вдвоем вдавили меня в угол, к вспотевшим облезлым трубам около сломанного толчка.

- М-м-м!!! – могла только мычать, вырываясь.

- Давай сейчас, а? – запыхтел Реутов, щупая мою грудь через безразмерную толстовку.

- Бля, давай, - Жаров кинул быстрый взгляд в сторону подпертой двери.

- М-м-м!!!! – я замычала с утроенной силой, тело крупно затрясло истерикой.

Просто не верилось, что всё это реальность. Всё это со мной!

- Тихо ты, тихо! – прорычал Жаров.

Дернул меня на себя, прижимая спину к своей груди, и, чтобы наверняка, зажал мне не только рот рукой, но и слегка придушил шею.

И тут же кто-то сильно затряс дверь, а через мгновение послышалось, как поддавшееся дверное полотно с размаху

ударилось о стену.

Вы замерли втроем. От парней волной пошел адреналин, их глаза округлились. Я не видела лица Жарова, продолжавшего удерживать меня, но физиономия Реутова была более, чем красноречива. Он бесшумно приложил палец к губам, смотря на меня, и жестом показал, что, если что- прирежет.

Да пошел ты, знаешь куда!

- М-м-м! – замычала снова, дернувшись в стальной хватке Андрея.

- Сука, я запомню, - быстро прошептал Жаров мне на ухо и сразу отпустил, потому что вошедший, судя по звуку шагов, стремительно приближался.

- Так, и что тут у вас?

Опомниться не успела, а в кабинку уже заглянул наш новый философ.

Боже, только не он!

Не знаю почему, но с ног до головы залилась краской стыда. Растрепанная вся, с двумя пацанами, в мужском туалете, у Реутова еще ширинка расстегнута.

Ну что мы тут могли делать, да?

Судя по непроницаемому, чуть брезгливому взгляду, которым окинул меня Савицкий, все выводы он уже сделал про меня...

- Да, так, общаемся... с дамой, - расплылся в беззаботной улыбке Жаров, проводя по затылку пятерней и взирая на Эдуарда Альбертовича исподлобья.

- Ясно, - поджал губы Савицкий, обводя нашу троицу глазами и задерживая обличающий взгляд именно на мне, - Университет не место для такого общения, молодые люди. Вы, кажется, только что были на моей лекции? Фамилии.

- Жаров.

- Реутов.

Я же молчала, сгорая от стыда, пока Эдуард Альбертович не обратился ко мне лично.

- А ваша?

- Конева, - пискнула, отводя глаза.

- Хорошо, я запомню. А теперь марш обратно в аудиторию. И...кхм...Реутов, ширинку застегните, будьте добры.

3. Люда

- Людмила Витальевна?! - зав. кафедрой с удивлением осмотрел меня с головы до ног поверх очков, закрывая за собой дверь. - У Вас лекции закончились?

Расписание посмотри, придурок...

Натянуто улыбнулась, незаметно спуская со стула поджатую ногу и торопливо нашаривая туфлю под столом.

- У меня окно, Николай Валерьянович. Как раз занимаюсь стенгазетой...

Ненавижу всю эту внеурочную деятельность, которая нахрен никому не сдалась, но для отчётности надо.

- Уууу... Похвально, Людочка... - Николай Валерьянович тоже расплылся в одобрительное улыбку, шагая прямиком ко мне, дабы удостовериться собственными глазами в том, что мои слова не расходятся с делом.

Блять, и его сальный противный голос я вдвойне ненавижу, да. И это панибратство тоже. Чтоб тебя...

Чуть повернула в его сторону монитор, демонстрируя набранный материал об Икаре и его набившем оскомину полёте, демонстративно перелистнула страницу, показывая уже проделанную работу по добыче огня Прометеем.

- Мммм... Вы отлично выбрали тему... - Николай Валерьянович с умным видом покивал головой, делая вид, что хоть как-то разбирается в мифологии. - Это на самом деле

очень интересно...

Стиснула зубы и прикусила язык, сдерживая адресный мат. Вновь повернула экран к себе, тут же полезла в поисковик, старательно изображая рвение к труду и полное погружение в работу. Ну вали уже отсюда, а...

- Людмила Витальевна...

Твою мать...

Не поднимая глаз, сосредоточенно протянула:

- Ммммм?!

Николай Валерьянович выдвинул стул из-под соседнего стола. Придвинул к моей столешнице... Сел напротив меня...

- Людмила!

Я занята. Занята. Занята...

- Людочкаааа, - в голосе зав. кафедрой послышались раздражённо-настырные ноты. - Отвлекитесь от компьютера, будьте любезны.

Выдохнула, призывая на помощь всё своё терпение.

- Николай Валерьянович! У меня совсем нет времени! - затараторила, делая вид, что не замечаю направленный на меня пристальный подслеповатый взгляд сквозь очки. - Мне нужно закончить хотя бы два листа...

- Людмила Витальевна!

Бляяаяять...

Медленно подняла глаза над монитором. Нетерпеливо забарабанила ручкой по клавиатуре, давая понять, что к праздным разговорам я не готова. Впрочем, не помогло, как все-

гда...

- Люда... - Николай Валерьянович положил локоть на стол, чуть подался вперёд. Поджал бесцветные широкие губы, сдвинул очки на нос, прищурился, снова поправил их обратно на переносицу...

От его подготовительных действий стало тошно. Каждый раз как в первый раз, бесит только...

- Николай Валерьянович, если Вы снова насчёт личной встречи, то простите, я снова отвечу отказом.

Одуловатое лицо напротив закаменело, пошло красными пятнами.

Опустила глаза в экран, скрестив под столом пальцы и от всей души надеясь на то, что он сейчас недовольно попыхтит, как обычно, пригрозит мне голым окладом и обиженно удалится.

Господи, какой душой я была пятнадцать лет назад, когда будучи ещё студенткой впервые согласилась на предложение своего преподавателя... Нет, Николай Валерьянович уже тогда не блистал ни красотой, ни харизмой, но он знал безошибочный способ получить желаемое - деньги. А мне они тогда позарез были нужны... Мать, конечно, помогала нам с трёхлетней дочерью, но мне так хотелось хоть немного тратить на себя лично... Тем более, не я первая, не я последняя. Ничего сверхъестественного, даже утруждаться не надо - прямо здесь, во время пары, в уборочной подсобке. По времени пять минут от силы. Даже смотреть на него необязательно

- достаточно задрать юбку и повернуться спиной, упереться руками в раковину и дежурно постонать для приличия, хотя Николай Валерьянович наверняка прекрасно знал, что я издаю звуки только в качестве уважения к его возрасту и лишней накинута сотне. Меня хватило ненадолго - в течение года я согласилась на подобные товарно-денежные отношения пять раз. А потом стала встречаться с ровесником с параллельного курса и вежливо отказала Николаю Валерьяновичу. Он воспринял мой отказ вполне адекватно, ибо помимо меня было немало девчонок, желающих заработать на сигареты подобным образом. Мне тогда казалось, что мой недолгий позор навсегда останется в прошлом. И, в принципе, так и случилось даже... До поры до времени. Пока я не вернулась сюда в качестве преподавателя, а Николай Валерьянович не занял должность зав. кафедрой. Тогда он почему-то внезапно вспомнил о былом... Точнее, я даже догадываюсь почему - нынче молодые студентки ему явно не светят, а вот возрастная неудачница вроде меня вполне могла бы согласиться. Но, наверное, у меня на данный момент нет такой острой нужды в деньгах... Не то чтобы я внезапно стала яркой поборницей морали, но теперь Николай Валерьянович почему-то вызывает у меня только омерзение и брезгливость. Возможно, если бы он хоть минимально проявил внимание, начал ухаживать там, я бы ещё подумала. А так... Пфффф...

- Людмила Витальевна...

...Спасительный звонок, возвещающий об окончании лек-

ций, чудесным образом раздался как никогда вовремя, заглушая нудный голос зав. кафедрой.

- Мне пора, Николай Валерьянович! - я подскочила с места, кликнула мышкой на завершение всех программ. - К следующей лекции подготовиться надо... - не глядя схватила сумку, бросилась к двери...

Обошлось, да. Будет теперь придираться месяц как минимум, но это можно пережить. Пропуск бы не забыть оформить новый...

Ускорила шаг, минуя вываливающихся из аудиторий студентов. Свернула направо...

Чуть не выронила сумку, когда прямо на меня кто-то вылетел из туалета, едва не сбив с ног.

Лера?!

- Боже мой... Лер... - я машинально схватила её за плечи. Отстранила на расстояние вытянутой руки, тут же прижала к себе...

- Пусти... Мам... - дочь оттолкнулась от меня, торопливо пряча глаза и пытаясь увернуться.

- Что случилось?! Валерия! На тебе лица нет... - мгновенный ступор уступил место расползающейся по телу подобно ледяному панцирю панике. Господи...

- Да хорошо всё, ну! - она раздражённо дёрнулась, отшатнулась, поднимая на меня злое лицо. - Ну хоть ты... Пусти...

- Ммм... Это Ваша мама, Конева? - официальный мужской голос обращался не ко мне, но к моей дочери.

Обе с удивлением оглянулись...

Сердце как-то нехорошо ухнуло вниз, по телу пробежала крупная дрожь, едва я на секунду поймала на себе заинтересованный мужской взгляд...

Эдуард... как его там... Альбертович, профессор философии, да...

- Мама, да, - лицо Леры пошло красными пятнами, на нём появилось затравленное выражение. Она снова умоляюще подняла глаза. - Мааам...

- Уверяю, с Вашей дочерью всё в порядке, - в обманчиво-мягком голосе Эдуарда подспудно слышалась стальная уверенность и сила. - Она вполне в состоянии продолжать занятия, - он многозначительно покосился на мои пальцы, клещами впившиеся в худые плечи Леры.

Сделала глубокий вдох. Это он мне сейчас указал, как надо обращаться с дочерью?! Как бы ни был прекрасен мужик, но это явный перебор.

- Я сама в состоянии оценить положение дочери, - я поджала губы, уводя поникшую Леру в сторону. - Благодарю за беспокойство.

- Мааам... - в тоне Валерии сквозило полное отчаяние. - Со мной правда всё норм...

- Посмотри на меня, - я аккуратно подхватила ладонью острый девичий подбородок, поднимая родное лицо. - Тебя кто-то обидел? Лер, не молчи...

Дочь нервно сглотнула, так и не решаясь встретиться со

мной глазами. Зашептала скороговоркой:

- Да с пацанами опять... Ты же сама знаешь, они вечно ищут к кому придрататься...

Выдохнула. Парни, конечно, сволочи ещё те, но вряд ли они на полном серьёзе стали бы цепляться к кому-то из студенток. По крайней мере, мне искренне хочется в это верить, да...

- Уверена, что всё хорошо?

- Да! - Лера почти выкрикнула, явно почувствовав скорую свободу.

- Хорошо. Дома поговорим, - я наконец отпустила её плечи.

- Ага, - дочь, больше не глядя на меня, метнулась в сторону. Через секунду скрылась из глаз, нырнув в толпу студентов...

Господи, пусть у неё наконец закончится этот возраст. Благополучно закончится. Не так, как было у меня...

Я уже сделала шаг в направлении аудитории...

- А Ваше имя позвольте полюбопытствовать?! - голос Эдуарда Альбертовича прозвучал глухо и непреклонно, словно не вопросом, а гипнотизирующим утверждением.

Чего?! Моё?!

Ещё раз с недоумением оглянулась на совершенно не торопящегося по своим делам профессора.

- Людмила Витальевна, фамилию Вы уже знаете, - я выдавила подобие дружелюбной улыбки, но что-то мне подсказы-

вало, что на этот раз Эдуард легко считал моё раздражение.
- Преподаватель литературы, если этот факт для Вас тоже...
- Литературы?! - он выгнул бровь, перебивая меня на полуслове, словно это было действительно важной информацией. - Ммммм...

Насмехается?! Или нет?

Но моё раздражение почему-то пропало...

- Людмила Витальевна, послушайте добрый совет, хоть и не прошенный в данных обстоятельствах, - мужчина сделал шаг ко мне, и сердце как-то панически сжалось от его слишком ощутимой сейчас близости, когда можно рассмотреть каждую ухоженную щетинку на его подбородке, когда мужской ненавязчивый парфюм забивает все рецепторы, когда обтянутая белоснежной рубашкой грудная клетка поднимается в такт с моей грудью... - Вы присмотрите за дочерью. Точнее, не так... - он на миг прикрыл глаза, взмахнув ресницами, но тут же снова перехватил мой растерянный взгляд, понизив голос до какого-то интимного полусшёпота. - Вы присмотритесь к дочери... В этом возрасте молодёжь бывает очень скрытная...

Усмехнулась, сглатывая слюну.

- Я знаю, какая бывает молодёжь в этом возрасте.

- Тогда моё предупреждение было излишним, - он тоже мягко и сдержанно улыбнулся. Отступил на шаг, сунул руку в карман брюк... - Всего доброго, Людмила... эээ... Витальевна.

- И Вам, Эдуард Альбертович, - закусил губу, провожая взглядом его спину добрых несколько секунд.

- Эдуард Альбертович! - профессору в буквальном смысле переградила путь стайка третьекурсниц. - Вот смотрите, сегодня на лекции Вы нам рассказывали...

Всё понятно, внимание студенток по поводу и без новому преподавателю обеспечено. Ну, ему явно не привыкать...

Со вздохом развернулась в противоположную сторону, как-то отстранённо пытаясь вспомнить, куда и зачем я вообще направлялась до встречи с дочерью и философом... Ах да, шестьдесят вторая аудитория, чёртова тема - мифы древней Греции...

По коридору сновали люди - студенты, преподаватели. Даже странно, что я словно забыла о них, пока Эдик стоял рядом - слишком сильная аура, неподъёмная. Не думать о нём теперь просто не получится...

Запахи столовой, такие манящие в рекреации, на деле вызывали лишь тошноту. Щи, гречка с котлетой, морковный салат, кофейный напиток и даже крошечная приплюснутая булочка не с корицей сегодня, а со сладкой посыпкой - полный набор того, что я просто на дух не выношу.

- Первое не надо, - я сделала останавливающий жест ладонью, и краснощёкая повариха Татьяна равнодушно пожала плечами, с ходу переставляя предназначенную для меня тарелку на поднос следующего в очереди. - И гречки пожа-

луйста поменьше...

- Я тоже суп не буду, - за моей спиной послышался тяжёлый раздражённый вздох Александра Дмитриевича, преподавателя высшей математики. - Ни дня без капусты...

Таня только поджала губы, протянула тарелку на следующий поднос.

Я из вежливой солидарности покосилась на математика, даже улыбнулась. Симпатичный мужик. Не больше сорока, острый как бритва взгляд, резкие черты лица, всегда собран и в некотором роде дружелюбен, но эта вежливость, скорее, от скуки, чем от характера. Когда-то он мне реально нравился, и я даже тешила себя иллюзиями насчёт того, что однажды он обратит на меня внимание и мы сможем познакомиться поближе... Но эти фантазии остались далеко в прошлом, ибо во-первых, Александр оказался женат, а во-вторых, максимум, где мы могли пересечься - это как раз столовая и парковка. И если тут мы виделись хотя бы пару раз в неделю, то на заасфальтированном пяточке во дворе нашего ВУЗа и вовсе раз в месяц в лучшем случае. Вот если бы он попал к нам на кафедру... Но это невозможно, поэтому я много лет назад оставила бесполезные попытки вызвать в нём ответный интерес. А теперь и подавно не стоит даже пытаться - мне уже давно не двадцать пять...

- Людмилаааа, ау... - Александр Дмитриевич показательно-выжидательно поднял бровь, кивая в сторону давно продвинувшейся очереди. - Двигайтесь...

- А, да... - я поспешно толкнула свой поднос, безбожно краснея. - Задумалась, извините...

- Бывает, - Александр равнодушно кивнул, выбирая себе булку. - Мне ещё воду литровую дайте, - он достал из нагрудного кармана карту. Подхватил протянутую второй поварихой бутылку, оставил стакан с кофейным напитком. - Кофе в автомате куплю, - буркнул едва слышно, подхватил поднос, отходя от раздачи...

Тоже торопливо схватила булочку, хотя не собиралась этого делать.

- Мне ещё сок дайте пожалуйста... - я быстро полезла в сумочку в поисках кошелька. - Апельсиновый, маленький...

Да где он, чёрт его подери?! Бахилы, документы, планшет, шапочка для солярия, снова бумажки, ключи, пропуск, Леркины перчатки, на кой-то хрен коробочка с маникюрным набором, фантики, черновик последней лекции...

- Точнее, не надо сок... - я сильнее залилась пунцовым румянцем, прижимаясь к раздаче и пропуская нетерпеливо обходящих меня людей, вспоминая, где могла оставить кошелёк. Скорее всего, в машине, но не факт...

- Давайте я оплачу, - мягкий негромкий мужской голос раздался совсем рядом, на столешницу легла ухоженная крепкая ладонь, небрежно сжимающая карту. - Позвольте, Людмила Витальевна? - чуть насмешливый тон Эдуарда Альбертовича в прямом смысле завибрировал в ушах.

Господи...

Открыла рот, но так ничего и не сказала, в ступоре наблюдая за тем, как крошечная коробочка сока всё-таки переколёвывает на мой поднос, как Эдик уверенно прикладывает карту к терминалу, как пробивается чек...

- Я... - я подняла растерянный взгляд на профессора.

Что я? Отдам? Очень благодарна? Не ожидала?

Он тоже смотрел в упор, едва заметно улыбаясь глазами. Так близко, что на миг закружилась голова...

- Спасибо, Эдуард Альбертович...

- Пустяки, Людмила Витальевна, - он прошептал это одними губами. Тут же отвернулся к Татьяне, принимая из её рук тарелку с супом и как ни в чём не бывало рассматривая платную витрину за её спиной...

На негнувшийся ногам отошла от раздачи. Рассеянно осмотрела ближайшие места, двинулась к пустому столику у окна...

Это был знак внимания?! Или простая вежливость, желание произвести впечатление на коллег в первый день работы? Плевать на самом деле. Я в любом случае безумно рада тому, что именно я оказалась для него поводом проявить себя. Я...

Смешное щекотное ощущение в животе, даже есть не хочется. Только смотреть в окно, улыбаться и почему-то чувствовать себя по-настоящему красивой и вдохновляющей на подвиги женщиной...

4. Лера

Я залетела в аудиторию словно ошпаренная. И, только сев на своё место рядом с Колясиком, смогла сделать первый полноценный вдох. Тело штормило от бешено скачущего пульса, перед глазами плыло.

Пережитый испуг так и накатывал волнами, не отпуская до конца.

Прежде всего потому, что проблема так и осталась проблемой.

Что делать с Жаровым и Реутовым, я не знала. Пожаловаться на них? Кому??? Маме? Смешно... Скорее они её так же зажмут в туалете, чем она на них управу найдёт.

Покосилась на вальяжно входящих в аудиторию, весело ржущих Андрея со Стасом. Кровь прилила к лицу, запульсировала под кожей, когда они оба в упор взглянули на меня, прежде чем пройти дальше к своим местам на галерке.

Стас, ухмыляясь, опять пару раз выразительно толкнул языком щеку, вызывая у меня ощущение лёгкой тошноты. Но по-настоящему стало жутко не от этого клоуна - дебила, а от тяжелого, помутневшего взгляда Жарова, словно вдавливающего меня в стул. Если Реутов -просто придурок, и для него это жестокая, но лишь игра, то Андрей смотрел так,

будто он уже не играет.

И мне от него не уйти...

Сглотнула соленый истеричный ком и резко отвела глаза, рассматривая перед собой парту. Господи, за что? Как мне от них избавиться?

Дверь в аудиторию хлопнула в последний раз, пропуская философа. Даже не стала поднимать на него глаза. Все мысли крутились вокруг судорожно продуцируемых мозгом вариантов как спастись. Один тупее другого.

В аудитории воцарилась шуршащая пишущими ручками тишина.

Эдуард Альбертович продолжил вводную лекцию. Я тоже взяла ручку и принялась бездумно выводить цветочные узоры на полях - лишь бы не отличаться от общей массы. Ни слова не слышала. Только собственные мысли.

Найти других отмороzków, чтобы прижали Жарова и его дружка?

Бред.

Папочка Андрея - владелец местного мясокомбината, известного на всю Россию, очень непростой человек. Кто пойдёт против его сынка? Жаров потому и чувствует себя безнаказанным.

Да и что я могу предложить за защиту?

Грустно усмехнулась про себя. Денег у меня нет... Ради убеждений и справедливости? Какая еще справедливость! Остается тоже самое - минет в туалете, да? Тогда уж лучше Жаров с Реутовым - я их хотя бы знаю, и внешне они ничего. А-а-а...пиздец!!

Внутри начала зреть тихая истерика.

И жалко себя до слёз. Но жалость ничего не даст. Что делать, а?

Внезапный стук пальцем по парте заставил резко встрепенуться. Подняла испуганные глаза и утонула во внимательном, разбирающем на атомы взгляде философа.

- ...Если истина абстрактна, то она... Раз. Ложна. Два. Не истина. Три. Невозможна. Четыре. Не существует, - Эдуард Альбертович продолжал без запинки читать лекцию, а сам выразительно уставился в мою тетрадь, где вместо конспекта ли начирканы уродливые мрачные цветы.

Снова устремил на меня выразительный взгляд и...едва заметно тепло, ободряющее подмигнул, а затем отвернулся и пошел в другой конец аудитории.

Меня бросило в жар. И рыдать нестерпимо захотелось. В груди стало так горячо - горячо. Хоть кому-то на меня не

плевать.

Его теплый взгляд согревал меня всего секунду. Мгновение. Так быстро пролетевшее, что оно вполне могло являться лишь плодом моего воображения. Но пробрало насквозь, и всю оставшуюся лекцию я словно в теплой ванне плавала в этом призрачном ощущении, что, если уж совсем прижмет, я смогу обратиться за помощью к Эдуарду Альбертовичу Савицкому.

Сама понимала, что это бред и самообман, но он хотя бы успокаивал, давая зыбкую опору.

Как только зазвенел звонок, я торопливо сгребла канцелярию со стола в сумку и, мазнув нервным взглядом по галерке, где сидели Жаров с Реутовым, побежала догонять Нику Баеву, уже выходящую из кабинета.

Мне необходим был постоянный «охранник», чтобы пережить ещё две пары без туалетных приключений. И Ника отлично подходила на эту роль. На первом курсе мы даже были близки к дружбе в самом начале учебы, вот только Ника, дочь директрисы Центрального рынка, быстро поняла, что Регина и её стайка - мажорки, а я - нет. И попробовала пере-

метнуться к ним от меня. И у неё бы конечно вышло, если бы не одно "но".

Ника была толстая.

Так что нашим отмороженным парням было глубоко фиолетово, что Ника живет в трехэтажном особняке в центре города и носит джинсы за сто косарей. Они всё равно дразнили её Баева – Колбасяева, не в лицо, конечно, чтобы от её мамы не прилетело, но вдогонку достаточно громко.

Естественно Регине не нужны были такие подружки. Отлученная от королевской свиты в первую же неделю Баева попробовала обратно прибиться ко мне, но была ожидаемо послана на фиг.

Я вообще всегда не очень нуждалась в друзьях, а уж тем более в друзьях по остаточному принципу. Так что Ника была в итоге таким же отщепенцем, как и я, а значит обрадуется внезапной компании.

Да и Жаров не будет при ней нарываться - всё-таки её мамаша - королева рядов с китайскими куртками - тоже не последний человек в городе. Идеальный для меня вариант.

- Привет,- поравнялась с Бaeовой в коридоре.

Она вздрогнула от неожиданности, чуть не выронив сумку.

- Привет, - Ника нахмурилась, недоверчиво смотря на меня своими маленькими глазами.

Ещё бы, я полгода демонстративно делала вид, что её не существует. Но сложные времена требуют сложных решений, так что...

- Слушай, Ник, ты по политической истории с кем доклад делаешь, не решила ещё? - поинтересовалась я рассеянно, сама следя боковым зрением за вышедшим из аудитории Жаровым.

Сердце пропустило удар, как только он в упор посмотрел на меня, заметив. Колени трусливо подогнулись, когда Андрей, хищно усмехнувшись, сделал шаг в мою сторону. Резко отвернувшись, я вцепилась в пухлый локоть Баевой и потащила её по коридору в сторону нужной аудитории. Она мне что-то отвечала про доклад, но я не слышала ничего. Так трясло от ощущения, что на плечо вот- вот опустится будто железная пятерня Андрея.

Обернулась только шагов через сто, уже в конце холла. Жаров с Реутовым стояли с другими парнями у арочного окна, ржали над чем-то и явно не думали меня преследовать.

И я точно знала, что это только из-за Ники. Я четко видела, что Андрей хотел подойти.

Судорожно облегченно выдохнула, обнимая мягкое предплечье Баевой двумя руками. Не отпущу теперь. Невозможно конечно все время ходить с ней как приклеенные...но я попробую. Всё равно другого выбора нет.

- Ну, всё, чмоки, - расстаёмся с Никой на парковке перед

универсом. При это у Бaeвoй тaкoe вырaжeниe нa лицe, бyдтo двe пaры, прoвeдeнныe вмeстe, сдeлaли из нaс пoчти рoдных.

Она нeмнoгo жмётcя, oглaдывaяcь нa oжидaющyю ee тaчкy c вoдитeлeм и c нeoхoтoй пpoизнocит.

- Или тeбя пoдвeзти? Мнe вooбщe нa мaникюр нaдo, нo я пoмню, в кaких ты eбeнях живёшь. Бeз oбид.

- Нe, фэнкс, дoбeрyсь дo eбeнeй сaмa. Кaкиe oбиды? - фыр-кaю, oзирaяcь пo cтopoнaм.

Жaрoвa врoдe бы нe виднo, и этo нe мoжeт нe рaдoвaть. Вooбщe oн co cвoим дpyжкoм Рeутoвым и eщё oдним - Кaмилeм, cмылиcь дo нaчaлa пocлeднeй пaры. Тaчeк их нeт, тaк чтo врoдe бы и нeчeгo мнe бoятьcя. Нo пaрaнoйя yжe пycтилa внyтpи cвoи ядoвитыe кopни, и пoд лoжeчкoй, нe пepecтaвaя, тocкливo coceт.

Cтoит зaкpыть глaзa, и я чyвствyю вкyc кoжи Aндрeя нa пoдyшeчкe eгo пpoпитaннoгo никoтинoм пaльцa. И кoлeни кaк жeлe. И кaжeтcя, чтo yжe нe cкpытьcя никaк...

- Пoкa, - кoрoткo мaшy Никe, гpyзнo зaлeзaющeй в выcoкий чёрный джип и бpeдy нa ocoнoвкy.

У мaтepи ceгoднa кaкиe-тo фaкyльтaтивы, бyдeт в yнивeрe дoпoзднa, и я рeшилa ee нe ждaть. Cтoит Бaeвoй yexaть, кaк c нeбa пo кoмaндe внoвь cpyвaeтcя мepзкaя мopocь. Нaкидывaю кaпyшoн, пpячy рoт в выcoкий вoрoт, нo всё рaвнo oщyщeниe, чтo пpoбиpaeт нaсквoзь. Чёрт...Нaдo былa нa джипe eхaть. Кaк вceгдa...Зaбившиcь в yгoл cтeклaннoй рacпиcaннoй ocoнoвки, cмaхивaю блoкиpoвкy экpaнa и лeзy в

приложение общественного транспорта, поглядывая на мирно сопящего на лавке бомжа. Он приоткрывает один мутный глаз и ловит мой взгляд - отвернуться я не успеваю.

- О, сударыня, присаживайтесь, - хрипит дядька прокуранным голосом и пытается сесть, чтобы уступить место рядом с собой.

- Да нет, не надо...Блять!

Матерюсь, потому что вместо, того чтобы сесть, бомж валится с узкой лавки остановки прямо на асфальт. И прямо лицом. Мужик болезненно мычит. Пытается встать и снова падает прямо в лужу собственных кровавых соплей. От этой картины начинает прилично мутить, но стоять и просто смотреть на это я тоже не могу и, преодолевая тошнотворное отвращение, кидаюсь к нему в попытке поднять и одновременно не измазаться.

- Так, дяденька, на лавку давайте, а?

- Сударыня, я щаз, я щаз...- ползает на четвереньках мужик, не собираясь, похоже, вставать. Лишь странно дёргается, стремясь в вертикальное положение.

- Да вставай же ты-ы-ы! - почти ору, не выдерживая, и силой тяну его за локоть в сторону лавки.

В этот момент оглушительный звук автомобильного клаксона раздаётся так близко, что я чудом не падаю мордой в асфальт рядом со снова рухнувшим бомжом. Поднимаю вверх ошалелый взгляд и чуть не вою от досады.

- Кобылкина, ну ты чего о предпочтениях не сказала? Я бы

тоже недельку ради тебя не помылся, - в открытом окне пиджонской синей бэхи появляется зло улыбающееся лицо Жарова, перегнувшегося через Камиля ко мне с водительского места.

Его чёрные глаза горят двумя углями, словно внутри сами черти сейчас поджигают. Моментально забываю про бомжа. Резко выпрямляюсь и пячусь на инстинктах, пока не вжимаюсь спиной в пыльное стекло остановки. И вкус его пальца на губах. Я не знаю, почему мне так врезалось в память именно это, но я ощущаю во рту горькую никотиновую слюну теперь каждый раз, когда просто смотрю на Андрея. Как рефлекс.

- Оставляй своего дружка, поехали с нами, а? - щурится Жаров, наблюдая за мной как змей, засекший добычу, делает музыку в салоне тише, чтобы не приходилось орать, - Повеселишься только со мной...

- Эй, Андрюха, а я? - доносится до меня возмущённый рык Реутова с заднего сидения. Самого его я не вижу - стекла бэхи до зеркального состояния затонированы.

- А ты заткнись пока, - небрежно бросает Жаров другу и, подмигнув мне, выходит из машины.

Сердце улетает в пятки.

- Отвали от меня!!! - истерично пишу на всю улицу, потому что он наступает, и потому что деться мне некуда!

День, центр нашего несчастного города, вокруг люди, но...Всем плевать. Плевать!!!

- Эй, ну что вы девушку тут пугаете...- только бомж и пы-

тается заступиться за меня, становясь на четвереньки.

Но тут же с хрюканьем валится обратно на асфальт из-за, того, что Жаров пинает его под ребра, даже голову не повернув. Смотрит только на меня. Прошибает холодный пот.

- Ты псих, Андрей?! Все же видят! - зубы начинают стучать.

- Что видят? Как я однокласснице покататься предлагаю? Так радуйся, хоть наберёшь себе очки. Давай, Лерчик, поехали, не еби мозги. Ничего с тобой не будет, - хватает меня за руки и дёргает на себя.

Впечатываюсь в каменный торс, обтянутый только тонкой футболкой. Куртки на нём нет. Во рту опять этот вкус фантомный никотиновый, смешанный с терпкой кожей, в лёгкие заползает запах его морской туалетной воды.

- Не хочу-у-у! Пусти! - слёз нет, но голос срывается так, будто рыдаю, пока Андрей тащит меня к машине, - Пусти-и-и!

Он уже дёргает на себя заднюю пассажирскую дверь. Краем глаза замечаю, как в глубине салона довольно скалится Реутов. Паникой ошпаривает ещё сильнее. Дёргаюсь в сторону, но Жаров берёт меня в стальное кольцо руками и пытается засунуть в машину.

- Молодые люди, вам не надоело развлекаться? - спокойный и какой-то совершенно ледяной голос нашего философа пробирает до спинного мозга.

Деревенею, уставившись широко распахнутыми глазами

на Андрея, который лишь недовольно кривится, но по виду совершенно не смущён.

- Бля, опять ты...Платон хуев, - беззвучно артикулирует, медленно поворачиваясь к Савицкому.

- Надоело, вот уезжаем с подругой моей, - криво и нагло улыбается Андрей, прямо смотря на Эдуарда Альбертовича.

- Что-то мне подсказывает, что подружка ваша, Жаров, с вами ехать не хочет, - чеканит философ.

- Вы ошибаетесь.

- А давайте лучше спросим у неё...Конева, давайте я вас подвезу. Меня ваша мама просила.

- Д-да, к -конечно, - бормочу в полуобморочном состоянии.

Слабо повожу плечами, но Андрей всё равно отпускает, лишь нагибается ко мне и шепчет на самое ухо.

- Каждый твой побег - плюс ещё один разочек со мной, Кобылкина. Или не только со мной. Уже два... - и отпускает, демонстративно, отступая на шаг.

От его слов начинает колотить так, что не помню, как иду вслед за Савицким к его машине, не помню как забираюсь в салон и называю адрес. Половину дороги тоже не помню - просто не могу прийти в себя.

- Что, пристаёт? - спрашивает коротко Эдуард Альбертович уже у самого моего дома.

- Д-да, - отворачиваюсь к окну, зажимая ладони между

напряжёнными коленками.

- Почему сразу не сказала?

- А что вы сделаете? Ничего...

- Сделаю, Конева. Не переживай, больше не будет. Ну и если что - сразу идёшь ко мне.

Это глупо, но входную дверь за собой я закрыла на все три замка, с трудом сдвинув с места даже давно проржавевшую щеколду, которой мы никогда с матерью не пользовались.

Сползла на пол и долго сидела так, уткнув горящее лицо в колени. Слез не было - наоборот глаза словно пересохли и резали песком. Лёгкие болезненно качали царапающий воздух.

Сможет Савицкий приструнить Жарова?

Вряд ли Эдуардович Альбертович знает, кто такой Андрей и на что способен его отец. По городу ходили разные слухи... И сейчас, когда я примеряла их на себя, волной накатывала безысходная слабость, и душил отчаянный порыв найти в соцсетях Жарова и самой написать ему. Написать, что я на всё согласна, только давай это будет один раз и никакие твои друзья рядом не ошиваются ...

Смешно!

Разве я в том положении, чтобы ставить условия?!

А потом сдавливающая горло паника отпускала, и перед глазами вставало мужественное, спокойное лицо нашего философа. И в эту секунду я отчаянно верила ему. И благодар-

ность щекочущим теплом разливалась по телу. И ещё что-то такое восхищенное, сладкое, тягучее, отдающее в самый низ живота, от чего рдели щёки.

Ухватившись за это чувство, решила его не отпускать. Ведь верить в лучшее гораздо приятней...Заменила усилием воли мучащие воспоминания о Жарове на волнующие кадры с Савицким, и только тогда нашла в себе силы встать с пола в нашей маленькой прихожей и поплестись в ванную.

Мылась на автомате, думая всякую ерунду...А у Эдуарда Альбертовича ведь синие глаза. Такой глубокий тусклый тёмный цвет. Никогда таких не видела. И волосы, достигающие до плеч, мило завиваются на концах. Широкие плечи, чёткая линия подбородка...Он мог бы сниматься для мужских журналов, рекламируя часы или автомобили. Интересный выбор профессии - преподаватель...Ещё и по философии...Наш прошлый философ шепелявил, хромал и носил толстые, в два пальца очки...

Просушив волосы полотенцем, натянула домашнее платье и пошлёпала на кухню. Щёлкнула кнопкой чайника, нашла готовую порционную лазанью в морозилке.

Хм, а он есть в социальных сетях?

Не глядя закинув полуфабрикат в микроволновку, полезла в телефон в поисках следов философа. Повезло сразу! Оказалось, Савицкий был очень активен в интернете, хоть и по большей части с точки зрения профессиональной

деятельности. Лекции на ютубе по философии и психологии, страница в другой сети, на которой было написано, что его специализация - индивидуальная и семейная психология. Консультации от пяти тысяч рублей...Открыта запись на курс «Как не стать жертвой и распознать социопата»...

Микроволновка давно отпиликала, а я всё листала материалы с Савицким, испытывая странный трепет и грызя ногти.

Звонок в дверь как набат. Подскочила с табуретки, выронив телефон. Чёрт, мама наверно открыть не может из-за щеколды. Так и оставив мобильник на кухне, побежала открывать.

- Привет, - сразу потеснилась вглубь прихожей, так как сначала в дом ввалились два огромных пакета продуктов с логотипом ближайшего супермаркета, и только потом, пыхтя, заползла раскрасневшаяся взмыленная мать, - Ты пробовала хоть раз покупать меньше десяти килограмм? - не удержавшись, я закатила глаза, - Нравится страдать?!

- И тебе привет, дочка, - мама тяжело опустилась на пуф, переводя сбившееся дыхание, - Пробовала бы, если бы ты тоже в магазин ходила и что-то покупала, - и мне достался её коронный осуждающий взгляд, от которого привычно ядовитым протестом свело внутренности.

Поджала губы и молча пошла обратно на кухню, не желая связываться. Достала! Ей вот точно на курсы по жертву надо. Так вечно выставять себя самой обездоленной, а всех

вокруг виноватыми - это надо уметь.

Достала остывшую уже лазанью из микроволновки и, поджав под себя ноги, начала лениво ковырять её вилкой, так и утопив взгляд в телефон, лежащий на столе.

- А помочь разобрать не надо? - мать протиснулась с пакетами на нашу микроскопическую кухню, принося с собой ауру насупленной обездоленности.

Лазанья встала поперек горла. Назло проглотила и, вместо ответа, включила ролик Савицкого на ютубе, не поднимая на маму глаз. Низкий бархатный голос философа полился из динамиков, разбивая давящую тишину.

Мать, скорбно поджав губы, принялась закидывать продукты в холодильник, но вдруг замерла, прислушиваясь, и медленно подошла ко мне. Заглянула через плечо.

- М, что смотришь? - и голос такой странно взволнованный.

Почему-то стало ещё неприятней. Выключила плеер, пододвинув к себе телефон.

- Новый препод...Сказал - ознакомиться...

- Ясно, - мама, помедлив, отвернулась и снова принялась за разбор покупок., - И как он тебе? - поинтересовалась слишком ровным натянутым голосом через минуту.

- А тебе? - обернулась на неё.

- Что? - у матери из рук выпали апельсины, краска вспыхнула на щеках, - Ой, неловкая я...- опустила голову и заговорила, покусывая губы, - Мне он показался интересным....к-

хм...человеком. Вежливый...Умеет держать себя...

И такая рассеянная мечтательность засквозила в её голову, что захотелось выплюнуть всю съеденную лазанью. В последний раз она так про дядю Толика с автосервиса говорила, а потом он нам чуть квартиру не спалил, закурив в её кровати...

- Уже профессор, хотя достаточно молодой, - продолжала тем временем мать.

- Да, молодой, - я резко встала с табурета, забирая со стола телефон, - И правда слишком хорош для тебя, мам. Я бы на твоём месте не обольщалась, чтобы потом опять тут нам всё в соплях не утопить.

Её ответный взгляд был страшным, и на мгновение мне стало невыносимо стыдно, но...Уже через секунду она прошипела своим фирменным ядовито - обиженным тоном, которым пару лет назад сообщила, что я испортила ей всю жизнь.

- Убери за собой, Лера. Сколько можно обслуживать тебя?!

Я молча швырнула недоеденную лазанью в мусорку, сполоснула вилку под материным давящим взглядом и, хлопнув дверью, ушла в свою комнату.

5. Люда

Дрянь. Вот дрянь всё-таки! Обязательно нужно вывести меня из себя, да?! Эгоистка. Да любая другая мать на моём месте давно выпорола бы и дело с концом, а я как дура - переходный возраст, становление характера, нужно понять и простить...

Размазала по щекам злые слёзы, соскребая губкой с тарелки остатки чёртовой лазаньи. Сделала воду погорячее, мечтая побыстрее покончить с мытьём посуды...

Нужно понять и простить, но не тогда, когда собственная дочь ведёт себя так, словно деньги берутся из воздуха, и ты не пашешь на полторы ставки ради того, чтобы лишний раз подкинуть ей карманных денег. Не когда она без зазрения совести швыряет в мусорку продукты, на которые заработала я! Купи, принеси, приготовь, помой посуду, а тебе в ответ вместо спасибо вот это вот - ты уже старая, да? Эдуард Альбертович, вообще-то, старше меня на семь лет!

Перед глазами снова встало красивое одухотворённое лицо философа...

А кому, интересно, он подходит? Ей что ли?! Соплячка малолетняя! Неблагодарная к тому же! Башку бы оторвать только за то, что вообще на таких взрослых мужчин засматривается! Сверстников мало?

Поставила тарелку на сушилку, вытирая зарёванные гла-

за тыльной стороной ладони и хватаясь за кастрюлю. Права мама - избаловала я её. Сама виновата, получается...

Как всегда невовремя раздалась трель мобильного. Чёрт, вот и мама, легка на помине...

Торопливо вытерла руки, глотая бессильные слёзы. Выдохнула, прикладывая телефон к уху. Излишне радостно прошептала в трубку:

- Да, мам!

- Добрый вечер, Людмила, - строгий голос матери лезвием прошёлся по нервам.

- Привет!

- Как дела, доча?

- Хорошо, мамуль! - пластмассовая улыбка намертво приклеилась к моему лицу. - Вот поужинали с Лерой только что...

Конечно, в глазах матери наш ужин наверняка выглядит чинной семейной трапезой за накрытым столом с неторопливыми беседами. Но уж простите...

- Рано вы. Ну да ладно, дело ваше, - мама на удивление проявила снисхождение. - Людочка, я звоню, чтобы сказать кое-что...

Привычная театрально выдержанная пауза. Сейчас ляпнет...

- Да, мам, я слушаю.

- Я улетаю в отпуск на неделю. Звонить буду реже, но если случится что-то экстраординарное - ты всегда можешь на-

брать меня сама...

В отпуск?! Она же летала на Мальдивы буквально пару месяцев назад! Со своим стариканом, который старше её на пятнадцать лет, между прочим!

- Мммм... - завистливо поджала губы, стараясь, чтобы мой голос не дрожал обидой. - Куда на этот раз, мам?

- Всего лишь Сочи, Аркадий на большее не тянет, - тон матери совершенно не изменился, словно она готова спокойно принимать любые дары от своих поклонников, начиная от бриллиантов Сваровски и заканчивая ракушками с берега чёрного моря.

- Ах, Сочи... - в горле запершило горькой обидой. - Отлично, мамуль...

А вот я не была в отпуске... никогда. Потому что, блять, не зарабатываю столько! И ни одного путного мужика на своём пути пока не встретила! Ну как, ну вот как ей это удаётся?! Даже в её годы...

- Привезти вам с Валерией чего-нибудь? Или достаточно сувениров?

- Вполне достаточно, мам! - я бросила ненавидящий взгляд на холодильник, увешанный бесчисленными магнитиками, подаренными матерью. - Ааа... А кто такой Аркадий? Ты же, помнится, с Петром Андреевичем еб... - вовремя прикусила язык, - состояла в отношениях...

- Пётр Андреевич быстро сдал позиции, - железный тон матери равнодушно подвёл черту под прошлым любовни-

ком. - Аркадий - один из моих учеников.

Чего?!

- Я не ослышалась, мам?! - нервы зазвенели лопающимися струнами. - И сколько ему?

- Ты имеешь ввиду возраст? Двадцать четыре, но он очень перспективный молодой человек.

Выдохнула сквозь зубы, оседая на табуретку. Подпёрла лоб ладонью, больше не сдерживая хлынувшие потоком слёзы.

- Не сомневаюсь, мам, - я затолкала ком в горле поглубже. - Слушай, тут Лера меня зовёт... Нужно помочь ей с уроками... Хорошо тебе отдохнуть!

- Привет Валерии передавай! Я ещё позвоню перед вылетом...

- Хорошо, пока!

Я отключила звонок. С отвращением отбросила телефон, словно могла подцепить от него какую-то заразу. Закрыла лицо ладонями, давая волю всхлипам и рыданиям... Благо Лерка не услышит на фоне своей идиотской громкой музыки!

Почему?! Ну почему так? Ну что я делаю неправильно в этой жизни?! Ещё лет пять, и мне уже нахрен не понадобится отпуск, потому что тупо стыдно будет раздеться на пляже со своим возрастным целлюлитом и боками! Но я тоже... Тоже хочуууу...

Мне никогда не стать такой, как мать. Все эти фитнесы,

подтяжки, салоны... Да там одна процедура стоит столько, сколько я зарабатываю за месяц! А она... вон... Двадцать четыре мальчику! Да как вообще можно... Тут вон дочь прямым текстом заявляет, что я слишком старая даже для Эдуарда Альбертовича! А ему сорок два, и я даже ни на что не претендую! А там - двадцать четыре, и на море везёт... Так просто не бывает! Не бывает...

Вытерла зареванное лицо рукавом, порывисто поднялась с табуретки. Прошла в ванную, включила самую яркую подсветку, уставилась на своё отражение...

Я знаю все свои недостатки, да. Пожалуй, если бы не вечные синяки под глазами, не обезвоженная кожа, придающая лицу уставший вид, не безвкусная причёска на скорую руку, то я была бы вполне ничего... И краситься я совсем бросила последние годы... Женщину выдают глаза, меня же сдают с потрохами - постоянно красные и опухшие от недосыпа, впавшие какие-то. И ранние мимические морщинки вокруг, почти незаметные, но они есть...

Опустила взгляд, впиваясь пальцами в края раковины. Тяжело вздохнула.

Сколько раз я давала себе слово взять себя в руки, начать ухаживать за собой хотя бы подручными средствами и больше спать? Но обычно меня хватает на несколько дней, а потом всё снова по замкнутому кругу - скандалы с дочерью, дополнительные занятия на работе, ужин из последних сил и тупое сидение в интернете большую часть ночи, ибо от уста-

лости уже не идёт никакой сон...

Может, для начала хотя бы успокоительных себе купить? Пустырника там, или валерьянки... Наладить сон, режим... Ну я ведь правда ещё вполне себе ничего! Ну ведь правда же... И тогда, возможно, тот же Эдуард Альбертович...

Торопливо вытащила из банки ватный диск, смочила его мицеллярной водой, тщательно протёрла лицо. Достала крем для век, на всякий случай проверила срок годности - куплен всего пять месяцев назад, надо же... Старательно похлопала себя подушечками пальцев вокруг глаз, вспоминая какой-то там массаж. Откопала на полке среди Леркиной косметики крем для лица, который я когда-то в порыве решила заказать себе за бешеные деньги по отзывам из глянцевого журнала, но так и не пользовалась им, ибо жалко, щедро размазала его по коже, по шее...

Почему-то стало легче.

Сняла домашнее платье, выудила из ящика мягкую кружевную сорочку с претензией на сексуальность - тоже покупала на распродаже несколько лет назад, даже пару раз надела для Толика, помнится... Сверху накинула халат, распустила волосы, выпрямила спину. Ещё раз покрутились перед зеркалом...

Вышла из ванной. Заглянула в комнату дочери.

- Лер, сделай музыку потише... пожалуйста. Очень голова болит, хочу попробовать поспать...

Была уверена, что она пошлёт меня подальше, но Лера

только задержала на мне нечитаемый насупленный взгляд, молча взяла с тумбочки наушники, воткнула их в уши, и в комнате внезапно стало тихо.

Улыбнулась ей, совершенно не рассчитывая на ответную улыбку, кивнула в знак благодарности. Тихо закрыла за собой дверь, поплелась в комнату - благо диван я с утра так и не убирала.

Привычно взяла в руки телефон, но не полезла в новости, вместо этого полистала ютуб. Так и уснула под чьи-то монотонные видео про рецепты красоты в домашних условиях...

Я действительно выпалась. Даже проснулась за пятнадцать минут до будильника, с удивлением замечая, что утро относительно не всегда бывает мерзким и лишаящим последних сил.

Смущённо улыбаясь сама себе и воровато оглядываясь на комнату дочки, попыталась изобразить нечто вроде лёгкой утренней разминки, охая от собственной неповоротливости. Поспешила на кухню, с удовольствием сварила молотый кофе, даже приготовила тосты, аккуратно сложила их на тарелку и рядом положила на стол салфетки, в глубине души представляя, как Лера отреагирует на подобные изыски - ей точно не понравится. Но мне сегодня просто хочется...

Достала из шкафа костюм - строгую юбку-карандаш и лёгкий укороченный пиджак к ней, вместо блузки выбрала тонкую шёлковую майку. Пока недовольная сонная дочь вози-

лась на кухне, привычно бубня под нос проклятия этому миру, быстро подкрасила глаза и губы перед зеркалом. Оглядела себя в отражении... Под капюшон причёску, конечно, не сделаешь, но по крайней мере можно соорудить приличный учительский пучок и залить его лаком, чтобы дожил до конца рабочего дня...

Ради Эдика? Скорее всего, да. А ещё чтобы доказать самой себе и дочери, что я... Да даже не доказать, а просто поступить наперекор вчерашним Леркиным словам.

И всё-таки это приятно - нравиться самой себе в зеркале...

Машина снова не завелась. Ни с пятого, ни с десятого раза. Бухтела и плевалась, хрипя проржавевшими внутренностями, но напрочь отказывалась работать.

- Мам, короче, дай денег на такси, - Лера даже не ворчала, просто обречённо смотрела сквозь лобовое стекло на морозящий противный дождь. - Или брось уже это корыто, и поехали вместе.

Закусила губу, глядя на циферблат часов на приборной панели. У меня нет первой пары, и я вполне могу ещё попытаться привести Опель в чувство, а дочь реально уже даже опоздала на троллейбус. Чёрт!

- Вызывай, - я полезла за телефоном, чтобы перевести ей на карту деньги. - Я, наверное, сейчас к Грише заскочу с первого этажа, попрошу помочь завести...

- Пффф... - дочь насмешливо фыркнула и закатила глаза,

отыскивая в приложении машину. - В прошлый раз он завёл, а мы потом заглохли на первом же перекрёстке. Разорилась бы уже на нормальный сервис...

- Обязательно, - я недовольно поджала губы, не желая ссориться с дочерью и окончательно портить себе утренний настрой. - Как только, так сразу... Долго там такси ехать будет?

- Восемь минут. Ты подумай, мам, если твой Гриша не поможет, тебе придётся потратиться на машину ещё раз. Может, всё-таки поедem вместе?

Блять, и не поспоришь ведь. Но тогда вечером придётся возвращаться на общественном транспорте и всё равно просить соседа о помощи, только он к тому моменту уже наверняка будет навеселе...

- Надеюсь, поможет, - я тяжело вздохнула, глядя сквозь грязное стекло на свернувший в наш двор автомобиль с облезлыми шашечками. - Вон твоё такси, Лер. Как раз успеешь...

- Как знаешь, - Лера накинула капюшон, подхватила рюкзак, распахнула скрипучую дверцу, выпрыгивая на асфальт. - Увидимся, пока...

- Пока...

Со вздохом проводила её глазами, пока она садилась в подъехавший к подъезду допотопный мерседес. Повернула к себе зеркало заднего вида, ещё раз оценивающе разглядывая собственное лицо...

Тоже вышла из машины, поплелась обратно к подъезду.

Поднялась по короткой лестнице, остановилась перед ободранной дерматиновой дверью, морщась от кисловатого запаха первого этажа. Мать вашу, может, реально зря я решила разбудить человека в такую рань...

Григорий переехал в наш дом около десяти лет назад, когда развёлся с женой. Пил и продолжает периодически пить, но соседи есть соседи - начало относительным приятельским отношением он положил сам, предложив мне однажды свою помощь, когда я причитала под его окнами над капотом своего опеля. С тех пор так и повелось раз в пару месяцев - он мне ремонт машины, я ему бутылку коньяка или хорошей водки. Вполне приемлемый бартер...

Отбросив сомнения, нажала кнопку звонка. Подождала минуту, нажала ещё раз...

Наконец с той стороны послышалась возня, щёлкнул замок. Дверь приоткрылась...

- Эээээ... - вместе с недоуменным прокуренным басом на площадку выплыло облако перегара.

- Гриш, это соседка... Люда... - я на всякий случай поплотнее запахла пальто, отступая на шаг от порога. - У меня машина не заводится... Опять...

- Мммм... Сейчас, погоди.

Дверь снова закрылась, хоть и неплотно. Опять шорканье, маты... Наконец Гриша появился в проёме, накинув куртку прямо на помятую засаленную домашнюю футболку.

- Разбудила, блять... Пошли.

Послушно засеменила за ним по лестнице, незаметно прикрывая ладонью нос от запаха происшего алкоголя. Из вежливости пробормотала "Прости", но он меня явно не услышал. Впрочем, его проблемы - слишком очевидная между нами разница, чтобы я вообще извинялась перед ним. Если уж до конца быть честной, мне иногда даже нравится просить соседа о помощи - с ним я себя чувствую если не достойной женщиной, то точно выше по социальному положению, и это банально приятно греет женское эго и тешит самолюбие. Конечно, много лет назад в глазах Григория было гораздо больше восхищения и желания проявлять благородство, чем в данный момент, но ведь и я не молодею... В любом случае рядом с этим конкретным человеком я ощущаю своё женское превосходство, в отличие от тех же успешных коллег по работе. Так что общение с Гришей частично и эгоистично идёт мне на пользу в каком-то роде...

- Масло когда меняла последний раз? - сосед зажал в зубах сигарету без фильтра, склонившись над открытым капотом и поднимая на меня слишком недоброжелательный взгляд.

- Оооууу... - я невинно захлопали ресницами, даже приблизительно не сумев вспомнить ориентировочную дату этой процедуры. Хотя, когда я последний раз заезжала в автосервис, мне говорили вроде, что пора поменять, да... - Не так давно...

- Угу, я вижу, - Гриша сплюнул на землю, вытирая испачканные руки прямо о футболку. - Иди погуляй, не стой над

душой...

Я благодарно улыбнулась, пряча закованные ладони в карманы пальто. Подняться домой? Чёрт, неудобно как-то - сосед тут из-за меня мёрзнуть будет, пока я отсиживаюсь в тепле...

Побрела по дорожке вдоль дома, с беспокойством косясь на экран телефона - время уходит. И я сейчас вымокну под дождём, а так хотелось предстать перед Эдиком в более-менее приличном виде...

- Люд! Принеси ящик с инструментами! Он где-то в прихожей валяется, под вешалкой вроде... Там хомуты должны быть, нужно стянуть патрубок...

Чего?! Подняться в его квартиру одной? Бляяять...

Вернулась к подъезду, чувствуя себя девочкой на побегушках вместо возвышенной мадам. Нехотя процокала по ступенькам, поглядывая в окно на свой опель, сиротливо стоявший на парковке с открытым капотом...

Набрала в грудь побольше воздуха, прежде чем толкнуть дверь и войти в чужой коридор. Брезгливо оглядела обстановку в свете грустной лампочки Ильича - ободранные со-вдеповские обои на стенах, необъятную гору старой одежды на вешалке, какие-то мутные канистры у стены, полуистлевший ковёр, прикрывающий облупившиеся коричневые доски, рота пустых бутылок... Плюс ко всему смрад, который уже никогда не выветрится из этого помещения... Господибожемой, как меня вообще сюда занесло?! Какие хому-

ты, мать вашу?! Да пусть этот несчастный патрубок болтается в капоте пока не отвалится...

С отвращением пробежалась глазами под вешалкой, с трудом сдерживая тошноту и дыша через раз. Нет тут никакого ящика с инструментами! Сам пусть поднимается и ищет...

Развернулась к приоткрытой двери, намереваясь покинуть эту квартиру и забыть как страшный сон окружающую обстановку. Всё-таки не зря говорят: меньше знаешь - крепче спишь...

- Нашла? - Гриша шагнул мне навстречу, потирая грязные замёрзшие руки между собой.

Инстинктивно отшатнулась от него, внезапно осознав, как сильно давят на меня стены этого крошечного коридора. Попятилась, с недоверием вглядываясь в заросшее жидкой свалывшейся бородой лицо, деревенея от направленного на меня ненавидящего взгляда...

- Вон ящик, - Гриша прищурился, кивая куда-то в сторону.

- Не заметила... - я выдавила улыбку дрожащими губами.
- Я тебе бутылку вечером занесу, ладно?..

- Не ладно, - он оперся локтём о стену, тоже внезапно улыбнувшись так, что по спине прошёл неприятный холодок. - Ты у меня в гостях никогда не была даже... Проходи, Люд.

- Я... - я с трудом сглотнула ком в горле. - Я на работу опаздываю, Гриш...

- Ты ж у нас училка? - он неторопливо скинул стоптанные кроссовки, продолжая сверлить меня неприятным липким взглядом. - Успеешь...

- Гриш, мне надо идти! - я бросилась мимо него к двери, но он успел привалиться к ней спиной...

- Да брось, Люд... - его руки мгновенно сомкнулись на моей талии, вызывая панику и дикий полуживотный страх. - Бутылку она мне принесёт... В стране кризис, цены растут...

- Гриш, отпусти, - заскулила, нелепо пытаюсь оттолкнуться от его провонявшей потом футболки, едва не плача от безысходности дурацкой ситуации. - Две бутылки... Дорого-го хорошего коньяка... Или чего захочешь...

- Да хули ты заладила со своими бутылками... - он замер, прижимая меня к себе и шумно втягивая носом запах моих духов. - Соседи же, почти родные люди... Проходи давай...

Доигралась, блять...

6. Люда

Интуиция никогда меня не подводила, и сейчас в глубине застывшей от ужаса и отвращения души я точно знала, что на этот раз мне не удастся отвертеться от свалившейся на мою голову ситуации. А самое противное - я же всегда догадывалась, что рано или поздно всё закончится именно этим, но почему-то свято верила в собственную непогрешимость и везение... И сейчас я сама сюда пришла, дура! Сама практически спровоцировала всё, что может случиться...

Без особой надежды зашептала, давась мгновенно проступившими слезами:

- Гриш, давай не сегодня, а... Или вечером... Честно! Мне правда надо идти... - я громко всхлипнула, чувствуя, как его грязные, пропахшие бензином руки беззастенчиво шарятся по моему телу. - Гриш! - я со злостью отпихнула его ладонь, вытащившую из-за пояса майку и премерзко коснувшуюся живота. - Я закричу! Отпусти! - теперь я действительно сорвалась, зачем-то пытаюсь хвататься за соломинку и тешить себя надеждами. - Я не буду... Не стану спать с тобой, слышишь?! Ты себя вообще видел?! Ты...

Он внезапно замер, поднял голову, чуть отклонился, всматриваясь в моё лицо жутким победным взглядом, словно точно знал, что все козыри на его стороне.

- Ты ещё скажи "не буду заниматься с тобой любовью, Гри-

горий Викторович", - он противно усмехнулся, обдавая меня перегаром. - Не хочешь спать - не надо. Я же не насильник, Люд. Нет так нет, просто отсоси и вали на свои уроки.

К горлу подступила муторная тошнота, во рту стало вязко, собственная слюна отдавала натуральной горечью.

- Ты совсем псих, да, Гриш?! - страх пополз по венам, но разум прикидывал варианты - реально заорать и позвать на помощь, опозориться перед всеми соседями, или сделать вид, что я согласна, усыпить его бдительность и улучшить момент, чтобы сбежать... - Ты ёбанный придурок! - я взвизгнула, понимая, насколько он сильнее меня, когда его рука задрала майку, несмотря на моё сопротивление, дёрнула лифчик, освобождая одну грудь, которую тут же сжали шершавые потные пальцы... - Отпусти! Не надо, ну пожалуйста... - я снова разревелась, не найдя в себе силы преодолеть отвращение и укусить его за тыльную сторону ладони, хотя на несколько долгих секунд передо мной промелькнула такая возможность. - Ты грязный, Гриш! Я не смогу, меня вырвет! Сам не рад будешь...

- Пфффф, - он наконец устал бороться со мной и просто оттолкнул к стене, прижав всем своим весом и обтираясь о мою одежду своими лохмотьями. - Нашла проблему, Людка... Я помоюсь. Не весь, конечно... - он многообещающе оскалился. - У тебя времени мало, но инструмент ради тебя вымою, чего уж... Пошли на кухню, - он дёрнул меня за руку, посылая вперед себя по коридору...

Отвратительное забитое хламом и бутылками крошечное помещение с мутным окном и закоптившейся стеной за первобытной газовой плитой, облупившаяся чугунная батарея под толстым деревянным подоконником, заставленным грязной посудой и какими-то пакетами...

Это нелепо. Это просто дурной сон...

Сейчас Гриша отвернётся, и я убегу отсюда...

Но он мертвой хваткой вцепился в мою руку, подтаскивая меня к заваленной тарелками и чашками металлической окрашенной раковине без тумбы, даже снаружи покрытой ржавыми потёками. Одной рукой повернул по очереди два громных вентиля над допотопным коротким краном, торчащим прямо из стены, выудил из мыльницы серый растресканный обмылок, когда-то бывший куском хозяйственного мыла, вспенил его под жидкой струёй воды. Тут же снянул на бёдра свои засаленные штаны, прижался к железному бортику, принялся натирать уже наполовину вставший член...

- Только ради дорогой соседки такие жертвы, ты же понимаешь, Люд, - он явно пытался шутить, и ему реально было смешно. Но не мне.

От шока в первые секунды я просто смотрела на эту сцену, боясь моргнуть и спровоцировать ещё больший пиздец, чем представшая глазам во всех красках картина. Задышала часто и поверхностно, борясь со спазмом, грозящим вывернуть наружу весь мой эстетический завтрак. Как-то словно со стороны стало даже смешно - всего полчаса назад я жила

нормальной жизнью, а сейчас за одно мгновение будто провалилась в ад...

Лишь когда Гриша принялся заботливо полоскать своё достоинство, до меня в полной мере дошло, что времени больше нет. Он же не думает всерьёз, что я это сделаю?! Или думает...

Дёрнула руку изо всех сил. И он от неожиданности даже отпустил её на секунду, давая такую обманчивую надежду на возможность спастись...

- Кудаааа... - Гриша со злостью схватил меня за плечо, рывком толкнул на пол...

Кажется, я упала спиной на ножку стола, ибо раздался негромкий грохот и звяканье посуды, но пальто смягчило удар. Зря - лучше бы я испытала физическую боль, сосредоточилась на ней, чем эта концентрация на сужающемся передо мной пространстве, когда он навис сверху всем телом, за волосы подтаскивая меня к своему паху и остервенело тыкаясь мокрым и воняющим хозяйственным мылом членом мне в губы...

- Соси уже, блять... Быстрее кончу - быстрее выйдешь отсюда! - в его голосе было столько ненависти и злобы, что я только безвольно заныла, закрывая глаза и цепляясь за одну единственную мысль - я выйду отсюда...

Главное - не дышать. Спрятать язык подальше, чтобы как можно меньше ощущать вкус... В конце концов, не первый и не последний минет в моей жизни. Если стошнит - не мои

проблемы...

Губы практически сразу онемели, едва член задвигался во рту, сам толкаясь глубже и быстрее с каждым разом. И долго, слишком долго...

Я продам к чёртовой матери эту машину. Я буду ездить на автобусе, лишь бы больше никогда, НИКОГДА...

Гриша внезапно обмяк, но не ослабил хватку, продолжая держать мою голову. Дёрнулся пару раз, заливая кисловатой спермой язык и горло... Наконец отпустил...

Машинально отползла в сторону, больше не сдерживая тошноту и спазмы. Как назло, даже не вырвало, только тело сотрясало в конвульсиях, я и судорожно отплёвывалась от чужого вьедливого мерзкого вкуса, ползая по полу и с воем заливаясь слезами.

Господи, какой Эдуард Альбертович... Вот такой Гриша - мой потолок, на большее я просто не способна...

- Машину я сделал, - хриплый надсадный голос над головой отрезвил и привёл в чувство. - Я же говорил, быстро справимся, Люд, - Гриша усмехнулся. - Ну хорош завывать, пол у меня грязный... Иди давай, тебе на работу надо...

Не поднимая голову, бросилась в сторону выхода из кухни, уже по пути поднимаясь на ноги и цепляясь за обшарпанные стены. Вылетела из квартиры на лестничную площадку, понеслась вниз по ступенькам, затыкая уши, чтобы не слышать тихий мерзкий смех, долетающий в спину...

У меня даже нет времени подняться к себе и принять душ.

Почистить зубы, переодеться, чтобы снова почувствовать себя если не женщиной, то хотя бы живым человеком... Максимум - влажные салфетки в машине...

Господи, это просто кошмар...

Каблуки громко стучали по пустому коридору. Эта дробь отдавалась в ушах, не позволяя сосредоточиться на мыслях. Прежде мне нравился этот звук - он придавал уверенности в себе, позволял в своих мечтах рисовать образ роковой женщины, а сейчас словно забивал гвоздями все мои прежние наивные фантазии. Я даже не поднимала голову, не желая встречаться глазами с немногочисленными студентами, почему-то находящимися не в аудитории во время занятий. Отвратительное чувство - будто все знают о том, что со мной произошло пару часов назад, и все показывают пальцем и смеются, пока я не вижу...

- Добрый день, Людмила Витальевна! - нахальный голос одного из учеников всё-таки заставил меня машинально выпрямиться и вскинуть взгляд.

- Здравствуйте, Жаров, - я привычно поджала губы, именно сейчас видя в нём и окружающих его парнях прежде всего врагов своей дочери. Хотела сделать замечание по поводу прогула, но почему-то не стала, вновь ощутив во рту привкус чужой кисло-горькой спермы... Похоже, это воспоминание ещё долго будет отдаваться фантомными всполохами в сознании. Как отвратное напоминание о том, что иногда

лучше держать язык за зубами...

Андрей проводил меня высокомерным взглядом, словно как раз ждал того, что я привычно начну его отсчитывать, и заранее подготовил едкий и колкий ответ на потеху своим друзьям. Но так и не дождался. Хватит с меня сегодня лишнего общения...

Снова понурилась, торопясь отойти подальше от учеников...

- О... Людмила?! - внезапно совсем рядом раздался другой голос. Бархатистый, чуть насмешливый и тянуче-чувственный, бьющий низкими вибрациями, воспринимающийся почему-то не только слухом, но словно всем телом. Его не спутаешь ни с кем... - Как раз вот думал о Вас, и Вы появились... - тихий смешок... - Бывает же...

Время остановилось. Сердце замерло между двумя ударами, в ушах зашумело море, к щекам прилила кровь...

Повернулась к боковому коридору, поднимая взгляд на Эдика...

Он же просто шутит, да?

Господи, какой он всё-таки... Эта печально-развратная улыбка, холодные глаза, в которых плещутся черти, наигранно-небрежная причёска, поза победителя по жизни, аромат парфюма... От него так и веет какой-то запредельной роскошью и высшим предназначением, хотя со стороны он выглядит совсем неброско, но почему-то сразу притягивает взгляд дьявольской харизмой и обаянием...

- Э... Эдуард Альбертович... - с трудом пошевелила языком, выбивая из себя сильные слова, машинально поправляя за ухо выбившуюся из причёски прядь.

- А Вы... - он наигранно-деловито оглядел меня с головы до ног, притормаживая в паре метров впереди. - Вы сегодня прекрасно выглядите, знаете об этом? - его глаза скользнули по моему лицу, тонкие чувственные губы дрогнули в едва заметной снисходительно-одобрительной улыбке...

По спине прокатилась волна жара. Он сейчас серьёзно... это всё? Или это какая-то издевательская шутка?

- Я?!

Перед глазами встал салон моего опеля, неудобное зеркало заднего вида, с помощью которого я дрожащими руками пыталась хоть немного привести в порядок макияж, остановившись на долгом светофоре. Ревела от стыда и пережитого унижения, торопливо вытирала влажными салфетками чёрные от потёкшей туши щёки, вновь пыталась накрасить слипшиеся ресницы щёткой, снова ревела, выкуривая одну сигарету за другой, стараясь забить вкусовые рецепторы дымом... И я сейчас прекрасно выгляжу?!

Эдуард снова шагнул в мою сторону, двигаясь неслышно, тенью вставая прямо перед глазами...

- Вам очень идёт такой образ, женственный и элегантный, - он почему-то задержал взгляд на моей шее, в то время как его слова лились журчащим потоком, затмевая все остальные звуки. - И он очень соответствует Вашему имени - Люд-

мила... - он перекатил моё имя на языке, улыбаясь на этот раз более открыто, заглядывая прямо в глаза. - Вот здесь испачкались немного... - он понизил голос, протянул руку, неожиданно провёл пальцем по моему виску... - Тушь, наверное, размазалась. Но я уже вытер...

Я только изумлённо хлопала широко распахнутыми глазами, наблюдая за его ладонью, снова вернувшейся в карман брюк. Это что сейчас было?! Что вообще происходит?!

- Людмила, Вы же не против, что я просто по имени обращаюсь? - Эдик, кажется, немного сконфузился, поднимая брови домиком. - Я пока плохо освоился, но мне бы хотелось прежде всего наладить контакт с адекватными и интересными людьми, а Вас я выделил сразу... Не против?

- Н-неет... - я не обратила ни малейшего внимания на раздавшийся прямо над головой звонок, возвещающий об окончании пары.

- Вот и отлично! - Эдуард неожиданно подмигнул мне, одаривая ещё одной улыбкой небожителя.

С адекватными и интересными людьми... Что ещё сказать, чтобы не разочаровать его? Господи, я просто не знаю, что нужно отвечать в таких случаях...

- Это очень... неожиданно, Эдуард Альбертович...

- Да полно, Людмила, - его заговорщический шёпот прозвучал так искренне, что защемило в груди. - Можно просто Эдик. И на "ты". Если ты не против, конечно...

Я?! Божееее... Это сон, да?!

- Не против... - я покраснела, кажется, до корней волос, пожирая его глазами.

- Кстати! - он словно вспомнил что-то, поглядывая по сторонам на вывалившихся из ближайших дверей студентов. - У тебя сейчас идут мифы древней Греции, если не ошибаюсь? Я видел стенгазету - потрясающая кропотливая работа! Жаль, что никто из учеников не обратил внимания... - его глаза снова встретились с моими. - Но история Икара - прекрасный пример психологии...

- О силе духа? - я тихо усмехнулась, ожидая привычных объяснений, которые я помню ещё со школы.

Эдик поднял бровь.

- Нет, - его голос стал резче, на лбу появилась тонкая морщина. - О тупом упрямстве. В конце концов, что есть сила духа? Это созидание, - он глубоко вздохнул, медленно выдохнул, словно настраиваясь на ораторскую речь. - А упрямство - поведение индивида, характеризующееся активным отвержением требований других людей, обращенных к нему. При этом поведение переходит из предметного плана в межличностный и получает поддержку от мотивов - самоутверждения. Наблюдается прежде всего у слишком эмоциональных или ригидных людей, а также при фрустрации важных потребностей... - спохватившись, он усмехнулся, вновь исподлобья глядя мне в лицо. - Я просто хотел бы использовать этот пример на своей лекции. Но тогда и тебе обеспечен интерес по предмету, - его усмешка снова превратилась в мяг-

кую улыбку. - Но это если ты не возражаешь, конечно.

Тело бросило в жар. Вдоль позвоночника потекла липкая капля пота.

Ему это правда нужно? Или он готов это сделать ради МЕНЯ?!

- Была бы очень благодарна...

- Вот и договорились, - Эдик согласно кивнул, вновь оглядывая спешащих вокруг студентов, бросил взгляд на наручные часы. - Увидимся, Людмила, - он всё-таки одарил меня напоследок коротким горящим взглядом, слишком личным, словно мы с ним теперь хранители одной большой тайны...

- Да... - я опустила голову, закусила губу, пряча улыбку. Рассеянно повернулась в сторону лестницы, с трудом вспоминая, куда я вообще шла до встречи с этим человеком...

Ах да, у меня пара в другом корпусе, надо только сначала отметить на кафедре! Тогда надо поторопиться...

В голове смутным обрывком мелькнули утренние события - убогая квартира, сосед, его член с запахом хозяйственного мыла... И я думала, что это мой потолок?! Дурочка! Сейчас, после общения с Эдиком, мне, кажется, море по колено...

7. Лера

- Спасибо, - рассеянно бросила таксисту и нечаянно слишком сильно захлопнула за собой пассажирскую дверь.

- Поаккуратней можно! - послышалось злое в ответ. И ещё он, кажется, добавил «овца», но из-за визга шин от резкого старта с места утверждать точно было сложно.

- Мудак, - прошипела такси вслед, натягивая капюшон на самые глаза и поправляя спавший в плеча рюкзак.

Дождь так и моросил уже который день, норовя стереть любое воспоминание о солнце. Сильно наклонив голову, я торопливо направилась к главному входу, стараясь лишний раз не озираться по сторонам и ни с кем не встречаться глазами.

И всё же синюю бэху Жарова я заметила сразу. Впрочем ничего не удивительного - этот отмороженный припарковал её чуть ли не на самой лестнице. Притормозила, пытаюсь рассмотреть, есть кто-то в машине или нет, но затонированные стекла такой возможности не давали. И я лишь снова поправила сползающий с лица капюшон и, горбясь, прибавила шаг. Идя мимо, вся подобралась, чувствуя, как жутко холодеет внутри. Спрятала вмиг вспотевшие руки поглубже в карманы. И Чуть в голос не заорала, когда бэха оглушающее загудела клаксоном, стоило обогнуть её капот.

На автомате обернулась и тут же встретила с тяжёлым

взглядом Жарова через лобовое стекло. Рядом с ним на переднем пассажирском ржал Камиль, потешаясь над тем, как высоко я от испуга подпрыгнула. Мне, конечно, не слышно было, но по его одноклеточной мимике и так было легко всё понять.

А вот Андрей не смеялся - так и сверлил меня исподлобья, давя и давя на клаксон словно в немой сцене из старого фильма ужасов. Мой личный Пеннивайз...Сморгнула, пытаюсь сбросить это леденящее ощущение. Сделала судорожный вдох.

Наконец, отмерев, нашла в себе силы соорудить брезгливую гримасу, показала Жарову средний палец и почти бегом припустила в универ, не слыша уже ничего, кроме собственного взбесившегося пульса.

Залетела в аудиторию, где у нас должна была проходить философия, одной из первых. По привычке устроилась на место рядом с Колястиком и лихорадочно заоозиралась по сторонам в поисках Ники Бaeвой. Но её не было. Может в коридоре ещё болтает с кем-нибудь? Хотя её все терпеть не могут - с кем ей болтать?!

Лера: «Привет, ты едешь?»

Настрочила своей «охраннице» в вотсап.

Ника: «Не, я заболела, дома отлёживаюсь.»

Вот бл...!!!

От прочитанного спина мгновенно покрылась испариной.

Задышала часто, блуждая паникующим взглядом по полупустому кабинету. И как мне передвигаться по универу без Бавевой?! Словно в ответ на мои тревожные мысли дверь аудитории в очередной раз с грохотом распахнулась, и на пороге появились Жаров, Реутов и Камиль Загитов. Непроизвольно резко отвернулась, втягивая голову в плечи. Вчерашний день навалился чехардой отрывистых воспоминаний, и никотиновый вкус кожи Жарова опять разлился на языке.

- Ты что такая хмурая сегодня, Лер? - голос Колясика воспринимался глухим и нереальным как из параллельной вселенной.

Покосилась на Кольку, заправляющего тонкими как у девушки пальцами за ухо грязную прядь мышинных волос, достоящих ему до подбородка. Я бы к нему прилипла, чтобы не ходить одной, но с таким жалким провожатым меня заловят только с ещё бОльшим удовольствием. Поэтому...

- Отвали, - лишь буркнула в ответ тут же помрачневшему Колясику, чувствуя на себе липкие взгляды проходящих на задний ряд дружков Жарова.

Их масляные смешки, возбуждённый полусшепот... Не могла избавиться от ощущения, что всё это касается лично меня.

Вчера Андрей при всех пытался затащить меня силой в машину. Даже без происшествия в туалете - это чёрная метка на весь универ, что я выбрана новой жертвой. И я не знаю, как с этим бороться... Не знаю! Кажется, что выхода нет. Ка-

кая ирония - я всю жизнь пинала мать за то, что жертва в семье у нас она. Доказывала ей с пеной у рта, до хрипа, что это всегда - личный выбор. Что она находит в этом выгоду для себя, что ей просто удобно быть постоянно кем-то затоптанной. Показывала передачи, подсовывала книги, насмехалась. А она плакала и говорила, что я просто ничего не понимаю и жизнь меня ещё не била. А когда ударит, то я её пойму...

Нет, я до сих пор её не понимаю. Лишь лихорадочно прокручиваю в голове свои же собственные теории и слова и пытаюсь понять как...Как я оказалась в этой точке?

И что же получается?

Я такая же как она?!

Меня всегда так бесил характер матери, потому что я вижу в ней себя?!

И от этих мыслей было не менее жутко, чем от тяжёлого взгляда Жарова, по ощущениям сверлящего мне спину между лопаток буром для зимней рыбалки.

В похолодевших ладонях ожил телефон. Смс с незнакомого номера.

«Кончай трястись, Лерчик. На хуй ты мне не сдалась. Привет Платону Альбертовичу»

Что?

Я смотрела на слова на экране до рези в глазах, но никак не могла сложить их во что-то осмысленное.

Или просто не могла поверить...

Савицкий...Он правда смог?! В памяти всплыло серьёзное лицо нашего философа, озабоченный взгляд, мягкий тембр... Его слова: «Не переживай, больше не будет. Ну и если что - сразу идёшь ко мне»...

Это...Этого не может быть!

Не выдержав, обернулась на Жарова, сидящего прямо за мной через три ряда.

Мне не показалось, что он сверлил взглядом мою спину, потому что я сразу встретила с ним глазами. Андрей сгорбился над партой, положив на неё локти, и смотрел на меня исподлобья, зажимая в руках свой телефон. Сглотнула, облизывая губы. Кровь прилила к щекам. Жаров дёрнул бровями, хмурясь, и начал что-то печатать. Через секунду мой телефон снова ожил. Отвернулась от Андрея и открыла входящую смску с того же незнакомого номера.

«Ещё раз начнёшь лизать при мне свои грязные губы, и я передумаю, Кобылкина. Я не вижу тебя - ты не видишь меня, сечёшь?»

Читая этот агрессивный бред от главного местного гондона, я не могла сдержать рвущейся наружу истерической улыбки. Как хорошо, что я отвернулась от Жарова, прежде чем открыть сообщение. Он бы точно взбесился, видя такую радость на моём лице.

Быстро отправила Андрею «ок» и отложила телефон подальше.

Внутри топило облегчением - пузырящимся, мощным,

жарким. Андрей с друзьями, получается, отстанет, да? Я правильно поняла?!

И это благодаря Савицкому?! Как он это сделал??? Бог...

В этот момент дверь в аудиторию открылась, и Эдуард Альбертович показался на пороге собственной персоной. Как всегда в идеально сидящей голубой рубашке, мягко улыбающийся, будто ему известны все тайны мира, собранный, гипнотизирующий одним своим видом мгновенно притихшую группу.

И в моём разыгравшемся от эмоций воображении над головой Савицкого и правда появилось странное свечение, напоминающее нимб. Я даже ошалело моргнула. Оно тут же исчезло. Привиделось...

Нимб исчез, а ощущение трепета осталось. И я уже не могла не ловить каждое слово нашего философа, подмечать любое его движение, пытаться перехватить взгляд. Как зачарованная слушала лекцию, не понимая ни единого слова и думая только о том, что наберусь смелости и обязательно к нему сегодня подойду, чтобы сказать «спасибо».

- Итак, со следующей лекции мы начнём с вами изучать первый модуль нашей дисциплины «Античная философия», - Эдуард Альбертович, заложив руки за спину, обвёл цепким взглядом аудиторию, - Сразу по его окончанию будет практическое занятие. Скорее всего, устроим с вами диспут. А также вам предстоит проверочная работа по пройденному материалу. Это будет примерно... - нахмурился, смотря на

свой телефон, лежащий на столе, - через две недели. Прошу отнестись к проверочной серьёзно - студенты, не прошедшие промежуточную аттестацию, к экзамену допущены не будут.

По кабинету прокатился недовольный вздох. Многие демонстративно закатили глаза. Но Савицкий лишь понимающе улыбнулся.

- Сколько стоит? - донеслось дерзкое с последних парт.

Группа взорвалась смехом, а я лишь залилась румянцем, испытывая жгучий испанский стыд за своих дебилов- одногруппников. В этот раз, кажется, за Стаса Реутова.

- В этом мире бесспорно почти всё покупается и продаётся, Станислав, - спокойно отозвался на провокационный вопрос философ, - Но так как в деньгах я острой потребности не испытываю, то, боюсь, у тебя просто не окажется такой суммы, чтобы меня заинтересовать. А вот спровоцировать меня на более пристальное внимание к твоей персоне ты сейчас вполне можешь.

Аудитория взорвалась одобрительным смехом.

- Эй, Реут, дотрынделся?

- Дебил!

- Всё, ребят, успокойтесь, - Савицкий взмахнул двумя руками как дирижёр, управляющий оркестром, воцарилась мгновенная тишина, а я в очередной раз с восхищением уставилась на нашего философа. Как он это делает, а?

- На сегодня. Всё. Собирайтесь, - последнее его слово потонуло в оглушающем звонке на перерыв, и расслышала его,

кажется, только я.

Эдуард Альбертович быстро подхватил свой кожаный портфель, скинул туда план лекции, сунул телефон в карман идеально сидящих брюк и, небрежно нам махнув и улыбнувшись, исчез из кабинета, погрузившегося в хаос и грохот из-за толпы собирающих свои вещи студентов.

И стоило ему покинуть аудиторию, как у меня будто кончилось действие охранного зелья. Я всю пару просидела совершенно спокойно и расслабленно, а теперь затряслась осиновым листом, убирая тетрадку и ручку в рюкзак.

Жаров сказал, что больше не тронет. Но с чего мне вообще верить ему?!

Как раз в этот момент Андрей в окружении своей громкой нахальной свиты проходил мимо первого ряда к выходу. Покосилась на него, прикрываясь упавшей на лицо прядью, и перехватила тяжёлый сверлящий взгляд. Такой, что внутренности жалобно свело. Прикусила губу, отвернулась, нервно дёргая собачку молнии на рюкзаке и чуть не вырывая её с корнем.

Твою мать...

Так...

Баевой нет. Колясик - не вариант. Его самого каждый день прессуют эти же придурки в туалете. Что остаётся?

В этот момент мимо проществовала Регина, обдавая меня облаком нишевых духов. За ней стайкой устремились приближенные подхалимки и...я, решившая, что лучшего места,

чем рядом с местной королевой мне не найти. И, если пове- зёт, она меня в вечно окружающей её толпе даже не заметит.

Накинув лямку рюкзака на одно плечо, торопливо при- строилась к девчонкам, опустив голову. Вышла с ними в ко- ридор и, упорно не озираясь по сторонам из страха снова скреститься взглядом с Жаровым, зашагала за ними по ко- ридору к следующей аудитории.

Та оказалась закрыта. Наша группа и параллельная сме- шалась здесь толпой, перегородив коридор. Большинство просто окружили дверь, включая Жарова и его банду, остальные же растеклись по ближайшим низким подоконни- кам. Регина с девчонками остановилась у окна прямо напро- тив аудитории, одним своим видом согнав оттуда двух тихих парней из второй группы. Уселась на подоконник и тут же достала косметичку, чтобы поправить макияж. Её подружки окружили свою королевишну, я же прибилась к самому кра- ешку окна, подперев спиной покрашенную стену и усердно рассматривая носы своих кроссовок, кое-где уже сбитые.

Закончив подкрашивать губы, Регина смачно чмокнула губами, щёлкнула крышкой зеркальца и перевела всё внима- ние на ржущих напротив парней.

- Жаров, завтра же в силе или как? - говорить у неё выхо- дило одновременно громко, требовательно, кокетливо и ка- призно.

Удивительный навык, которому я вряд ли когда-нибудь научусь.

- Или как, - по-хамски отозвался Андрей, и парни вокруг ещё громче заржали.

- Не будь таким придурком! - ничуть не смутившись, Регина лишь закатила глаза, покачивая одной ногой, переброшенной через другую, от чего её юбка задралась чуть ли не до самых бёдер.

- Да конечно в силе. В восемь в «Беррис», я випку уже давно заказал, я же говорил. Что ты блять по сто раз спрашиваешь, - пока Жаров ей раздражённо, но всё-таки послушно отвечал, я так и тупила в пол, не поднимая глаз и покусывая губы.

Странный удушливый жар нарастал внутри. Будто жёгся... У горла прихватило обручем. Обида?

Меня значит, в машину силком или - зажать у сломанного толчка, а Регине - випка в лучшем местном клубе. Ну да...

Кто на что родился, я поняла....Мудак...

- Может заедешь за мной? Наш водитель берёт отгул, а на такси не хочется, - Регина продолжила тем же капризно-кокетливым тоном, который у неё так филигранно получался.

Парни опять взорвались смехом.

- Ты смотри, как Ветрова у нас мечтает к тебе в тачку прыгнуть, Дрон!

- А может и ещё куда, а, Регинка?!

- Не то, что наша Венсдей местная вчера чуть на бомжа со страху не обделалась, ах-ах-ах!

Сердце заколошматило в груди от того, что это они про меня. Ледяные иглы побежали по венам. Я знала... Знала, что так просто ничего не закончится!

- Ебать, я же сказал - закрыли тему! - вдруг громко рявкнул Андрей, - Сука, Кам, без зубов оставляю, понял?!

- Да че ты, бро... - Камиль опешил, поднимая руки вверх, - Эй, всё. Чё нервный такой, пошутили просто...

Видела как Андрей смотрел на него - как на навозного жука. Которого не прочь и раздавить. Да, Камиль был с виду плотнее, сильнее, но все знали, что Жаров в драках - просто бешеный. Ему ничего не стоило ударить бутылкой или стулом, если кулаками победить не выходило. А уверенность, что папа от всего отмажет, лишь усугубляла всё. И, конечно, Камиль моментально струхнул. Все струхнули. Повисла гробовая тишина.

Андрей одёрнул ворот толстовки, будто она ему давила, и медленно перевёл взгляд на Регину, попутно зацепив своими чёрными глазами меня.

- Хрен с тобой. Довезу. Чтобы в полвосьмого был готова.

Кажется, Ветрова в ответ радостно запищала, но наш университетский зубодробительный звонок снова украл все другие звуки, еще и Валерий Викторович, историк, показался в коридоре, спеша открыть нам кабинет.

- Так, не толпимся, проходим- проходим, - распахнул дверь и первым тут же нырнул в аудиторию.

Две группы начали, толкаясь протискиваться внутрь. Подождала, когда зайдёт основная масса и, поправив лямку рюкзака на плече, пошла тоже. Вот только зайти мне не дали. Проход перегородила рука Жарова у самого носа, уперевшаяся в противоположный наличник. Вздрогнула. Замерла и затаилась, смотря прямо перед собой и слишком отчётливо ощущая его горячее дыхание на своём профиле.

- Эй, а ты и правда Венсдей у нас, Конева. Такая же долбанутая, - зашептал мне прямо в волосы.

- Андрей, дай пройти! Совсем уже? - возмущались ребята сзади, но Жаров будто не слышал их.

- Я же сказал, что всё. Значит всё. Не трясись - не бе-си...Бесишь...Поняла?! - зарычал глухо шепотом, и губы почти коснулись моего уха.

- Поняла. Больше не трясусь, - усилием воли заставила себя сказать это спокойно и твердо, и повернула голову к нему, посмотрев прямо в глаза.

Кажется, у меня в этот момент сердце не билось, но я выдержала его взгляд. Андрей шлёпнул ладонью по дверному косяку над моей головой и, криво улыбнувшись, отклонился.

- Так лучше, Венсдей. Молодец, - подмигнул, давая пройти.

Юркнула в аудиторию, чувствуя взбесившийся пульс даже в пятках. Трясло, но и облегчение было уже настоящее, огромное. Заглянув в глаза, я ему почему-то поверила, что больше уже не подойдёт. И что можно ходить по универу

СПОКОЙНО.

8. Лера

Первую половину пары я осваивалась с новой реальностью, в которой меня никто и не думал преследовать и пресовать.

Села в последний ряд в самый дальний конец от компании Жарова и то и дело косилась на парней, уткнувшихся в свои телефоны и полностью игнорировавших преподавателя. Они иногда синхронно беззвучно ржали, пересылая что-то друг другу и многозначительно переглядываясь. Иногда затихали. Пару раз кинули бумажные комки в Регину и Катю, а я...

Я вдруг снова стала чем-то бесплотным, не интересным никому и вообще не факт, что существующим - какой и была весь первый курс, пока Жаров каким-то образом не нарвался в сети на моё объявление о продаже девственности.

Устраивало ли меня положение изгоя - невидимки? Пф...Полностью!

С этими крестинами всё равно разговаривать решительно не о чем. Даже Колясик со своей страстью к истории древних русичей, и то занимательней.

И всё же кое - что до сих пор не давало покоя.

Как Савицкому это удалось?

И, в любом случае, необходимо его поблагодарить... От мысли, что надо подловить профессора, внутри образовывался холодящий вакуум и хотелось нервно облизывать гу-

бы. Конечно, скорее всего Эдуард Альбертович никак особо не отреагирует на мои «спасибо» и просто кивнёт, но всё равно сама мысль о предстоящем разговоре до мурашек волновала.

На обеденном перерыве, не встретив Савицкого в столовой, я направилась на кафедру. Там его тоже не оказалось, зато я встретила мать, зарывшуюся в какой-то очередной ветхий журнал. Потоптавшись у входа, решила спросить у неё, и шагнула в заставленный стеллажами и цветочными горшками пыльный кабинет.

- О, дочь, привет, - мама подняла голову, поправляя очки для чтения, - Ты всё? Закончила? Что-то забыла?

- М..да, я тему доклада по философии не взяла, - начала безбожно врать, рассеянно крутя карандаш на её стуле, - Не знаешь, Эдуард Альбертович здесь ещё?

Мама поджала губы и сняла очки.

- Нет, насколько мне известно, он только что ушёл, - задумчиво прикусила дужку очков, чуть склонив голову набок, - Это срочно? Если хочешь, я ему позвоню - поговорю?

- Да нет, не надо, - отмахнулась, - Ладно, я пошла.

- Лер! - мать окликнула меня уже в дверях.

- Что?

- Картошку почисти!

Закатила глаза. Ну как же без распоряжений.

- Ок!

Вжикнув молнией куртки до самого горла, поправила спадающий с плеча рюкзак и торопливо сбежала вниз по ступенькам крыльца у главного входа в наш универ. Если Савицкий только что ушел, то возможно у меня есть шанс застать его на парковке? Заокиравшись по сторонам, быстро вычленила чёрный джип, похожий на его. Почти бегом направилась к уже заведённой, судя по идущему дыму из выхлопной трубы, машине. На ходу накинула капюшон - дождь, льющий без остановки уже три дня, похоже, наконец, выдохся, но всё равно висел в воздухе противной влажной взвесью.

Профиль Савицкого, что-то листающего в своём телефоне, разглядела сразу. Не выдержав, побежала, чтобы успеть, пока не уехал. И, не давая себя возможность передумать, с наскоку постучала ему в окно. Сердце загрохотала где-то в горле, моментально почувствовала себя ужасно глупо...

Но...поздно. Эдуард Альбертович уже резко повернулся ко мне. Его прямые брови поползли вверх, выражая крайнюю степень удивления, но это длилось лишь секунду, после которой в синих глазах мелькнуло спокойное снисходительное понимание, а выразительных губах появилась ленивая полуулыбка. Стекло поехало вниз. Стояла, как дура, переминаясь с ноги на ногу, пока исчезала эта прозрачная преграда.

- Конева. Что-то хотели? - Савицкий всё так же понимающе улыбался.

- М...да. Извините, что так, - кивнула на машину, заливаясь жгучим румянцем до самых ушей, - Я...Я насчет Жарова.

Просто хотела сказать спасибо, и...В общем...

- Подходил к вам? - перебил меня Савицкий.

- Да.

- И всё хорошо?

- Да...Я не знаю, правда, как вы это сделали, но...

- Хорошо, - взгляд Эдуарда Альбертовича стал вдруг каким-то задумчивым и...оценивающим что ли.

Замерла, остро ощущая, что он меня разглядывает, язык будто к нёбу присох.

- У вас есть ещё пары, Конева? - вдруг поинтересовался профессор.

- Нет.

- Тогда садитесь - подвезу, - снова мягко улыбнулся, кивая на пассажирское сидение.

- Нет, не надо. Вы и так...- мне правда стало дико неловко.

- Бросьте, Конева, считайте, что ваша компания - моя плата за оказанную услугу.

- Странная плата, - я нервно рассмеялась.

- Поговорить с приятным человеком - что может быть ценней? - отозвался Савицкий мне в тон, неожиданно подмигивая и распахивая дверь переднего пассажирского сидения.

Ничего не оставалось, как обогнуть капот и залезть в его джип, неуклюже стягивая рюкзак с плеча одновременно с попыткой пристегнуться.

Стоило аккуратно хлопнуть дверью автомобиля, закрывая за собой, как меня окутал тёплый запах отделочной кожи,

дорогого пластика, терпкой мужской туалетной воды и едва уловимый аромат фруктовой электронной сигареты.

Когда я вчера ехала вместе с Савицким, подобравшим меня на остановке, я, пребывая в шоке, не замечала ничего.

Сейчас же жадно потянула носом приятную, пропитывающую насквозь смесь запахов, так подходящую рядом сидящему мужчине.

И вместе с тем ещё острее ощущала наше несоответствие, не зная куда себя деть.

Сжала рюкзак между колен, притулилась плечом к двери, потупила глаза, когда заметила, что Эдуард Альбертович с лёгкой улыбкой превосходства меня разглядывает.

Будто подобрал блохастого котёнка...

- Не переехала, туда же? - как-то сразу и незаметно Савицкий перешёл на «ты».

- Не успела, - заулыбалась, греясь в его мягкой иронии.

Профессор кивнул и тронулся с парковки. Плавно и уверенно встроился в поток машин, негромко включил радио. Так и поглядывала на него из-под опущенных ресниц, испытывая удушающий трепет и крадя себе мелкие детали. Такой взрослый...С обволакивающей давящей аурой, от которой я млела, не находя себе места.

Молчание в салоне дико нервировало, но ляпнуть какую-то глупость было ещё страшней. Лихорадочно перебирала в голове, чтобы такое сказать и что вообще я от него хотела - мысли путались под воздействием смущения.

- Эдуард Альбертович, кхм...- пришлось откашляться, чтобы убрать странное карканье в голосе, - А как у вас получилось...? С Жаровым?

Савицкий лишь криво улыбнулся, мазнув по мне быстрым взглядом.

- Как ты смотришь на кофе, Валерия?

- Я? Пью...- озадаченно отозвалась.

- Отлично, - он снова снисходительно улыбнулся, - Тогда сейчас заедем за кофе и я всё тебе расскажу. Не люблю говорить в движении. Привык ездить молча. Не против?

- Эм, нет, - смутилась окончательно.

Савицкий удовлетворенно кивнул, а я утопила половину лица в высоком вороте куртки и так сидела, притихшая, до самой закусочной с авто окном.

Тормознув, у окошка приёма заказов, профессор опустил стекло.

- Двойной эспresso, пожалуйста, и...- перевёл на меня вопросительный взгляд.

Растерялась, лишь хлопнув глазами.

- Капучино, - решил Савицкий за меня, - и...давайте пирожок для девушки, вишнёвый.

- Я не хочу пирожок, - завертела головой.

Савицкий опять лишь улыбнулся.

- Ладно, не надо пирожок. Рожок мороженого.

И, не дав мне снова возразить, поехал на выдачу.

Я тут же полезла в рюкзак в поисках кошелька. Кажется,

была у меня какая-то мелочь...

- Лера, что ты делаешь? - Эдуард Альбертович, сдвинув брови к переносице, с недоумением покосился на меня.

- Хочу отдать вам деньги.

- Я могу позволить себе угостить девушку мороженым - не говори ерунды, - бархатно рассмеялся.

- Я...я не девушка, я... - снова смутилась, заливаясь румянцем. Он ведь преподаватель мой. Это как -то...

- В первую очередь ты - всегда девушка, Конева. Хорошо это запомни и требуй соответственного обращения, - возразил Савицкий, перестав улыбаться.

Это прозвучало так назидательно, что я растерялась и снова почувствовала себя глупо. Перестала рыться в рюкзаке, поставила его между ног и снова притихла.

Забрав заказ, Эдуард Альбертович свернул в небольшой сквер за кафе. Встал в углу у забора подальше от въезда и стал разбирать заказ. Протянул мне бумажный стаканчик с капучино, вафельный рожок, сам же, отложив коробочку с пирожком, сделал маленький глоток кофе, откидываясь на спинку сидения и поворачиваясь полубоком ко мне, чтобы удобнее было разговаривать.

- Теперь спрашивай, - ободряюще улыбнулся, смотря поверх пластиковой крышки.

Поджала губы пряча непонятно откуда взявшуюся улыбку и думая, что вот так сидеть в заглушённой машине вдвоём

- как-то слишком интимно. И скажи мне ещё утром кто-нибудь, что я буду сидеть вот так с Савицким - я бы ни за что не поверила.

Поставила капучино на торпеду, рассеянно покрутила в руке стаканчик с мороженым.

- Как вам удалось утомонить Жарова за один день? - подняла на Эдуарда Альбертовича глаза.

- Я хорошо знаком с его матерью, Лера. Видишь ли, я не только преподаю. У меня есть ещё одно увлечение - психология.

- Я знаю, я видела ваши ролики на ютубе, - вставляю неожиданно даже для самой себя.

- Да? - Савицкий выгибает бровь, и по глазам вижу, что ему это приятно, - Что ж, да. Вот и весь секрет. Мать Андрея состоит в моём клубе. Я позвонил ей вчера по видео связи, попросил позвать сына. Мы поговорили. Андрей, конечно, сложный парень, но с матерью у него хорошие отношения. И ему бы не хотелось, чтобы его...кхм...недостойное поведение в отношении девушки до неё дошло. Понимаешь?

Я лишь кивнула, думая про себя, как же тесен мир и насколько соткан из странных совпадений. Никогда бы не подумала, что на Жарова можно надавить так.

- Так что, думаю, больше он тебя третировать не будет. Но если вдруг, Лер...Не стесняйся, сразу говори, - отеческим тоном продолжил Савицкий, внимательно вглядываясь в моё лицо, будто что-то искал там для себя.

- Хорошо, спасибо вам большое, - пробормотала, лизнув подтаивающее мороженое.

Вспыхнула, когда поймала момент, как он проследил за движением моего языка и стал вмиг каким-то задумчивым, так и не отводя взгляд от моего рта.

Заёрзала на сидении, ощущая внутреннее колкое давление.

Наконец Савицкий снова посмотрел мне прямо в глаза.

- Теперь моя очередь спрашивать, Лера, - произнёс глухим, незнакомым мне тоном, - Как ты считаешь, я заслужил же это право?

- М...да, - пискнула, ощущая, как атмосфера в салоне начала тревожно давить. Что-то не осознаваемое до конца, но остро царапающее по нервам.

- Андрей рассказал, из-за чего стал к тебе цепляться, - вкрадчиво продолжил Эдуард Альбертович, подаваясь ко мне корпусом ближе и уже слегка нависая надо мной, - Что ты продавала девственность в интернете. Скажи, зачем ты это делала?

Вопрос застал врасплох.

Словно резкий удар в солнечное сплетение, выбил воздух из лёгких. Молча вцепилась в лямки рюкзака, стоящего между ног, ощущая расползающийся по всему телу удушающий стыд.

Заморгала часто, сдерживая подступающие, непонятно откуда взявшиеся слёзы, попыталась отвернуться, но Савиц-

кий не позволил, поймав пальцами мой подбородок.

- Лер... Мне можно рассказать...- тихо с таким искренним участием, что одна слезинка всё-таки сорвалась с ресниц и покатилась по побледневшей щеке.

Закусила щёку изнутри почти до крови, часто задышала носом. Лишь бы не разреветься при нём!

Эдуард Альбертович подождал с пару секунд, ожидая, когда я заговорю или хотя бы подниму на него глаза, а потом с тяжёлым вздохом убрал свои пальцы с моего подбородка. Порылся в кармане и достал вейп, отстёгивая свой ремень безопасности, чтобы удобнее было повернуться ко мне всем корпусом. Выпустил сизый дым вбок, и по салону поплыл дынно-ледяной аромат.

- Хочешь? - вдруг протянул мне электронную сигарету.

Всхлипнула, нервно улыбнувшись.

- Как вы можете мне такое предлагать, вы же преподаватель, - фыркнула, пытаясь побыстрее взять себя в руки.

- Из всех возможных бунтов это самый безобидный бунт, - тоже усмехнулся, вкладывая мне в ладонь гладкий металлический корпус.

Не стала больше возражать - затянулась, крепко обхватывая губами мундштук и остро чувствуя мужской изучающий взгляд на себе. От него вело сильнее, чем от фруктового морозного дыма, заполонившего лёгкие.

- С чего вы решили, что я из-за бунта это сделала? - просипела, так и не убегая от прямого взгляда Савицкого, но всё

равно прекрасно его видя сквозь повлажневшие ресницы.

- На расчётливую беспринципную девицу, решившую подзаработать, ты не похожа, Лер, - выразительно взглянул на моё самодельное каре, мазнул глазами по неряшливо следающему каштановому тону, задержался на моих ногтях с облупленным чёрным лаком...

Да, наверно, не так выглядят девушки, желающие на мужчинах заработать...

- А на бунтующего подростка, значит, похожа, - покивала грустно, вертя в руке вейп.

- Ну...уже не подростка...- отозвался мягко с непередаваемой отеческой интонацией, от которой в горле опять что-то сжалось, застревая, и я машинально сдвигала шею рукой.

Внутри зародился протест...Это его не касается! И ничего меня тут жалеть!

- Вы не правы, я хотела именно заработать, - наконец подняла на Савицкого вызывающий взгляд, - На новую машину. Развалюха матери достала уже. Всё просто. Так что, если вы тут сеанс психотерапии провести решили, то я не нуждаюсь, спасибо.

От собственной дерзости заложило уши, пульс сорвался вскачь. Любой бы на месте Эдуарда Альбертовича сейчас бы обиделся, но мужчина напротив лишь сощурил синие глаза, криво улыбнувшись, и, протянув руку, забрал у меня свой вейп. Сделал глубокую затяжку, смотря мне в глаза.

- Я не психотерапевт, чтобы подобные сеансы проводить,

Лера. Психология - скорее хобби, опирающееся на кое-какие курсы, профильную литературу и жизненный опыт. Машина, значит...- ещё раз затянулся, рассматривая словно под микроскопом меня, - И что? Мать в курсе твоей идеи ей помочь автомобиль поменять? - с лёгкой иронией.

Сглотнула, моментально краснея. По телу адреналиновый жар прошёл от одной мысли, что мама узнает. А если ещё и бабушка...!!! Ладони вспотели мигом.

Савицкий всем видом показывал, что ждёт ответа, и я отрицательно покачала головой, а он удовлетворенно кивнул, мол, я так и думал, конечно, нет.

- Не говорите ей, пожалуйста, - просипела, вновь робея. Всю спесь с меня разом снесло.

Кивнул ещё раз. Немного отлегло.

- Приятно было щекотать себе нервы самой идеей, что мать может узнать? - поинтересовался Эдуард Альбертович вкрадчиво, беря в плен мой взгляд.

Хотела было отмахнуться от очередного вопроса, но...он так смотрел. Будто в самую душу, всё там переворачивая. Слабость странная накатила, словно я только что из бани, и остудиться негде. В голове пар...Он такое доверие вызывал одним своим видом, аурой, глубоким, бархатистым голосом. Что внезапно захотелось всё - всё рассказать. Как на исповеди. Да и больше никто кроме него не спрашивал даже. Всем плевать...

- Не знаю. Наверно...- шёпотом отозвалась, облизывая пе-

ресохшие губы, - Скорее просто...игра... Я не...Не верила, что кто-то реально откликнётся, да и на встречу никто же не заставит пойти...

- А когда откликнулись, что почувствовала?

- М..азарт...Но я...Я не собиралась встречаться.

- Да, я понимаю...Лер, - Савицкий длинно вздохнул, - Жаров сказал, что ты поставила ограничение по возрасту - от сорока. Почему?

- Деньги, - передёрнула плечами, - Чтобы подростки не писали...

- М-м-м...- протянул, снова затягиваясь, помолчал...И тихо поинтересовался, - У тебя ведь нет отца, да? Совсем его не знаешь или просто отношения плохие?

И снова как удар под дых. Хватанула воздух ртом словно рыба.

- Это вас не касается! - вспыхнула, - Так сложно обойтись без диагнозов?!

- Лер, успокойся, я просто могу помочь, - умиротворяюще.

Он неожиданно подался ко мне и схватил обе мои ладони, ледяные и влажные, в свои горячие большие руки. И снова глаза отчаянно зажгло подступающими слезами. Я уже ничего не понимала - что происходит, насколько это уместно, что правильно, что нет.

- Чем? - всхлипнула жалобно и тут же ошетибилась, чувствуя, как трещит защитная скорлупа, - Не нужна мне по-

мощь...У меня всё хорошо. Отлично! Вы ничего обо мне не знаете...

- А я хочу узнать. И могу дать...уверенность, помочь себя понять. Ничего такого. Будем с тобой просто болтать иногда по скайпу обо всем. Не в форме консультаций, а так...бесплатно. Как взрослый, уже с жизненным опытом мужчины, который может чему-то научить, и ранимая, запутавшаяся девушка...

- Я не ранимая... - пробурчала, сгорая от тепла его жёстких ладоней Жар до самых плеч уже дошёл, будоража.

- Хорошо, интересная, - мягко хмыкнул.

- Чем я могу быть вам интересна? - вздохнула, перехватывая его глубокий взгляд.

- Сложная...Ну что? Договорились? Останется между нами.

Я не раздумывала. Он меня очаровал, незаметно и быстро окутал собой так плотно, что я уже, кажется, дышала только им, а не воздухом.

- Да!

9. Люда

ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ

Поправила волосы, уложенные в небрежную высокую причёску, всё-таки достала бледно-розовую помаду, поярче подкрасила губы... Отступила на шаг от зеркала, оценивая собственную внешность. Улыбнулась своему отражению...

После недавнего похода в парикмахерскую основные пряди отливали благородным холодным блондом, другая часть приобретших объём локонов светилась мягким русым, совершенно не похожим на мой природный мышиный цвет волос. Аккуратно покрашенные мастером брови вроде делались чётко по моим натуральным контурам, но почему-то смотрелись совершенно иначе, расходясь почти вразлёт и придавая лицу какое-то хищное выражение деловой и самодостаточной женщины. И меня безумно радовал этот образ... Даже Эдик последнюю неделю ежедневно замечает мои изменения и делает комплименты. Наверняка он понимает, что это ради него, но... Пусть.

Отступила ещё на шаг, придирчиво осматривая мягкое шерстяное чёрное платье до колен, плотные тёплые чулки... Мне пришлось влезть в долги, чтобы закупить вещей и привести себя в более-менее приличный вид, но эти долги почему-то не тяготят как раньше. Снова самообман, но падать

вверх слишком приятно...

Эдик говорит, что женщине нужен толчок, чтобы расправить крылья и взлететь. Нужно мужское внимание, чтобы снова почувствовать себя красивой и желанной. Что только пройдя какие-то там ступени, она сможет обрести внутреннюю свободу и полёт души...

Смешно, но я никогда прежде не велась на психологические тренинги. Реальная жизнь настолько сурова и беспощадна, что только полная идиотка с кучей бабла в кармане согласится на то, чтобы чужой мужик объяснял ей, как нужно себя вести и что делать, чтобы обрести пресловутую гармонию с собой. Но он, Эдуард... Его слова о философии стоицизма, подкрепленные высказываниями древних философов, его мягкий будоражащий голос, проникающий прямо под кожу, его привычка смотреть в глаза, заставляя прочувствовать каждое слово... Да будь он хоть трижды шарлатаном в области психологии и философии, ему хочется верить. Хочется идти за ним хоть в ад, хоть в рай. И хочется искренне думать, что во мне тоже есть та самая исключительность редчайшей сигма-женщины, что внутри меня существует нераскрытый потенциал, что я - великая ценность этого мира...

Как он вчера, а!

"...Такие женщины - редкий архитип, Людмила. Они тихие лидеры, находящиеся в своём пространстве, не подчиняющиеся типичным социальным нормам. Они загадочны и воплощают в себе качества, выделяющие их: интровертиро-

ванные, но смелые и самодостаточные, но гибкие и заботливые своим уникальным образом..."

Его глаза в тот момент горели таким проникновенным огнём, словно он не цитировал чужие определения, а говорил это от всего сердца, давая лично мне оценку и характеристику... Будто видел во мне все эти качества вопреки внешней оболочке, мог разглядеть мою сущность как на ладони, умел считать потаённые мысли и стремления души...

Конечно, в силу своей работы и увлечения психологией он наверняка говорит подобное всем женщинам, но в одном он прав - не каждая сумеет услышать его слова и вникнуть в них. А тем более применить к себе... И он верит, что именно я это смогу. Он верит в меня...

Господи, опять опаздываю!

- Лер! - я привычно толкнула дверь в комнату дочери...

И уже привычно она оказалась заперта.

Не зря Эдик говорит, что стоит измениться самой, как начнёт меняться пространство вокруг тебя. Изменяться люди, ибо потянутся за положительным возвышением. Кажется, моя дочь - реальный пример этому...

Лера наравне со мной сходила в парикмахерскую и вернула волосам светлый оттенок. После кошмарного чёрного цвета и кое-как срезанных прядей её новая причёска - улада для глаз. Она даже стала иногда надевать юбки, чего за ней не водилось со времён начальной школы... И красится она стала гораздо нежнее - вместо боевой яркой раскраски

на лице появился лёгкий освежающий макияж. Она даже пару раз под настроение обращалась ко мне за советом!

Дочь тоже меняется. И явно в лучшую сторону. Хочется верить, что пришёл тот самый возраст, когда из подростка она наконец станет прекрасной молодой женщиной...

Постучалась.

Прислушалась...

Даже сейчас, утром, Лера унесла завтрак в свою комнату и опять слушает какие-то ролики на Ютубе. Иногда вечерами она общается с кем-то по видеосвязи, после этого ходит счастливая как никогда...

Как бы она не огрызалась на мои вопросы, но наверняка у неё появился парень. Конечно, мы пока ещё не в тех отношениях, чтобы она призналась мне в этом, но доверие вырабатывается не сразу. Главное - не давить и не торопить событие...

- Лер! - я снова постучала пальцами в дверное полотно. - Мы опоздаем!

За стеной наступила раздражённая тишина - она захлопнула ноут...

Через пару секунд дверь распахнулась.

- Я вообще-то тебя ждала! - дочь поджала губы, окидывая недовольным взглядом мой сегодняшний наряд. - Я уже давно готова!

Выдохнула, никак не реагируя на её агрессию. Утро редко бывает добрым, да...

- Обувайся, - я улыбнулась, глядя вслед удаляющейся по коридору фигурке дочки.

Снова надела платье... Оно ей уже немного маловато - я покупала его ей два года назад, но тогда она ни в какую не хотела надевать подобные вещи. А сейчас сама достала его из шкафа...

- Валерия! - в порыве чувств мой голос прозвучал слишком резко.

Дочь оглянулась, поджав губы.

- А может, сходим на выходных в торговый центр? Купим тебе пару новых платьев...

В первый момент Лера с недоверием сузила глаза. Потом широко их раскрыла, растерянно хлопнула ресницами...

- А... А чулки можно?

Чулки?! Впрочем, ей уже давно восемнадцать...

- М-можно... - сердце сжалось на миг, но сейчас мне слишком хотелось порадовать дочь.

- Ладно! - Лерка быстро натянула ботинки.

Сразу видно - настроение у неё явно поднялось. И у меня тоже...

Тяжёлая подъездная дверь хлопнула за нашими спинами. Солнце...

Непривычно. Бьёт по глазам. И странно действует на сознание - словно знак свыше, посланный в самый нужный момент, будто надежда на светлое будущее, пробуждающая

внутренние силы...

Чёрт, только бы машина завелась, дабы не испортить красоту момента. И только бы не встретить никого из соседей...

Машинально оглянулась на дом, безошибочно вычлняя из множества пластиковых окон древние деревянные облезлые рамы и заляпанные пыльные стёкла без занавесок...

Вздрогнула...

Григорий как призрак стоял прямо за окном. Смотрел в упор на нас. Точнее, на меня...

Быстро отвернулась. С трудом сглотнула ставшую вязкой слюну, пытаясь непослушными пальцами отключить сигнализацию и открыть дверцу...

Мы больше не встречались после того случая две недели назад. Но почти каждый день я вижу за окном его силуэт, когда уезжаю на работу. Вечерами реже, но тоже случается... Наверное, я бы испугалась, если бы сосед начал преследовать меня или искать встречи, но Гриша даже не пытался этого делать. Просто смотрел вот так со стороны... Пристально. Странно. Жутко...

Впрочем, я не могла утверждать, что его взгляд действительно направлен именно на меня - я даже не видела толком его лица. Не исключено, что я просто надумала себе чёрт знает что после случившегося... В конце концов, пьёт человек утром кофе, любит вид из окна. Может, его и вообще раздражает то, что кто-то ходит туда-сюда почём зря в момент созерцания мироздания...

- Садись, Лера! - я рывкнула на дочь, замешкавшуюся у машины. - Кому ты там махала? - я не хотела слышать ответ, ибо уже знала его.

- Там дядь Гриша кивнул нам, сосед снизу который, - Лерка беспечно выдохнула, плюхаясь в кресло. - Ты не видела что ли?

Сцепила зубы, поворачивая ключ в замке зажигания.

- Нет.

Заведись только, родная моя... Я колёса сегодня обязательно подкачаю на заправке даже... Ну пожалуйста...

Опель чихнул пару раз и уверенно взревел мотором. Странно, но после того, как Гриша починил его последний раз, он больше не ломался...

Вроде и повода нет запрещать дочери здороваться с дядей Гришей. Да и невежливо это. Тем более, он никогда прежде не давал повода для негатива - приветствовал Леру вполне адекватно, как и всех детей во дворе, редко первый, но в ответ всегда с явным дружелюбием и без дурного умысла. Я, помнится, сама когда-то говорила дочери, что надо обязательно здороваться со всеми соседями в подъезде...

- Ну поехали, мам! - дочь с раздражением скинула рюкзак на заднее сиденье.

- А?! Да, конечно...

Я рассеянно вдавила педаль в пол и повернула руль, газуя слишком сильно и выезжая на придомовую дорожку с резким толчком и рёвом мотора. Дура неуклюжая, блять... Если

бы Гриша не смотрел, я бы так не затупила...

Даже дышать стало легче, стоило выехать со двора и свернуть на оживлённую улицу, вклиниваясь в поток спешащих автомобилей. Чужой взгляд больше не ощущался...

К чёрту Гришу. Главное - успеть на кафедру до того, как уйдёт Эдуард Альбертович...

Опоздала... Опоздала, чёрт побери!

Обречённо вздохнула, тупо пялясь на экран своего мобильного и нетерпеливо кусая губы, вполуха слушая уличающую речь зав. кафедрой, внезапно свалившегося на меня прямо в коридоре. Старый мудак! Чтоб его...

Эдик наверняка уже ушёл. Если повезёт, мы встретимся во время обеда, но совсем не факт. Ну почему...

- ...Людмила Витальевна, Ваши опоздания стали носить систематический характер, и если подобное повторится, я буду вынужден принять меры, ибо Вы - пример для наших студентов... - занудный голос Николая Валерьяновича раздражал в этот момент настолько сильно, что мне хотелось откровенно послать его по известному адресу и броситься на поиски профессора философии, ибо до начала первой лекции осталось ровно три минуты сорок шесть секунд. Сорок пять... Сорок четыре...

- Я всё поняла, Николай Валерьянович! - я наконец перевела нетерпеливый взгляд ему в глаза. - Больше не повторит-

сы! Мне пора, скоро звонок... - я прижала сумку к груди, готовая метнуться прочь при первом намёке на разрешение с его стороны...

Он лишь тяжело вздохнул, глядя на меня поверх очков.

- Идите, Люда. И подумайте над тем, что я Вам сказал...

- Обязательно!

Три минуты двадцать три секунды. Двадцать две...

- Людмила!

Резко тормознула, чувствуя, как сердце пропускает удар. Медленно обернулась на знакомый и такой желанный голос...

Глубоко вздохнула, чувствуя, как словно по команде отступает суета и нервозность, как отсекается невидимой стеной волнение и нетерпение, как вместо них по венам начинает струиться радость и эйфория...

- Доброе утро, Эдуард Альбертович, - я закусила губу, с улыбкой наблюдая за тем, как Эдик неторопливо закрывает дверь кабинета и пересекает коридор, направляясь в мою сторону.

- Доброе, - он мягко улыбнулся, излучая доброжелательность и теплоту, как всегда пытаюсь поймать мой взгляд. - Я вчера не прислал тебе очередную лекцию, был немного за-

нят... Затянулся тренинг с... важной клиенткой, скажем так. Сложный случай, знаешь ли... - он остановился напротив, разглядывая меня так, словно действительно сожалеет о том, что не смог накануне выйти на связь.

- Пустяки, - я опустила голову, в миг забывая о том, как слонялась весь вечер по квартире в ожидании весточки от него, пока Лера болтала с кем-то по видеосвязи за закрытыми дверьми своей комнаты. Тогда казалось, я просто сойду с ума от ожидания и вынужденного одиночества, когда даже дочь занята чем-то важным для себя. А сейчас... Сейчас это реально кажется ерундой. Да что там, когда мужик тебе так улыбается - всё кажется хернёй... - Сегодня не подведёшь, надеюсь? - я снова подняла полный надежды взгляд, уже откровенно флиртуя с профессором.

Конечно, Эдуард Альбертович наверняка всегда замечает мои нелепые заигрывания и попытки сблизиться, но его это явно не смущает. А мне просто приятно в такие моменты - я действительно чувствую себя интересной и соблазнительной женщиной. Не станет же мужчина так себя вести с дамой, которая ему неприятна, правда? По крайней мере, у него должна быть хотя бы симпатия для этого... Мне хочется в это верить.

- Нееееет, - Эдик совсем по-мальчишески усмехнулся, пожирая глазами моё лицо. - Сегодняшний вечер я готов полностью посвятить обсуждению твоей следующей лекции. Точнее, не весь вечер, но часа два точно... - он чуть сузил

глаза, поджимая чувственные губы. - Ты, кстати, снова задержалась, - он шумно выдохнул, развёл руками, словно не укоряя меня, а лишь смиряясь с моей дурной привычкой. - Сейчас поговорить не получится, минута до звонка. Увидимся за обедом, хорошо? Хотел кое-что у тебя узнать...

- А... Конечно! - я широко улыбнулась, ощущая себя принцессой, приглашённой в лучший ресторан города. - Тогда до встречи, Эдуард Альбертович! - я кокетливо поправила причёску, опустила ресницы, делая шаг в сторону и обходя профессора философии в направлении своей аудитории.

Звонок прозвенел прямо над нашими головами, заставляя меня перейти с ленивого виляния бёдрами на реально быстрый шаг.

- Удачи! - Эдуард только усмехнулся, мельком провожая меня удовлетворённым взглядом.

Наверное, если бы я могла, то взлетела бы в этот момент от этого невероятного ощущения счастья...

Вошла в кабинет, опустила сумку на стол. Оглядела группу...

Кажется, зря я всегда так боюсь опоздать - студентам просто похрен. И на звонок, и на преподавателя, и на то, какая сейчас пара...

- Доброе утро! - мой голос прозвучал громче и резче обычного, стук учебника об столешницу привлек внимание первых парт, за ними постепенно затихли и остальные. - Кто подготовил доклад об Икаре - прошу поднять руку. Я соберу

работы и...

Послышалось шебуршание, смешки, разговоры. Поднялись чьи-то ладони, потянулись прайсы и папки... Как всегда - Пономарёва, Левченко, Киселёва... Сергеенко? Бондарева?! Афанасьева?!

В каком-то ступоре наблюдала за тем, как в воздух внезапно поднимается лес рук...

Кто-то из студентов смотрел на меня с явной насмешкой, прекрасно зная, что от них я точно не жду подобной прыти, кто-то равнодушно обмахивался распечатанными листами, кто-то и вовсе просто пялился на меня, но с таким торжеством, словно ждал, что я буду упрашивать поделиться со мной докладом...

Чёрт побери, они серьёзно?! Это же после лекции по философии на эту же тему...

- Марин, собери рефераты, - я кивнула своей лучшей ученице, присаживаясь на стул и пытаюсь собрать мысли в кучу.

Нет, я конечно, ожидала чего-то подобного... Но не в таких масштабах. Какой всё-таки Эдуард Альбертович... молодец. Так заинтересовать учеников - это сумасшедший талант.

И мысль в голове только одна - сегодня я официально обедаю с ним в университетской столовой...

Конечно, мы не впервые будем сидеть за одним столом, но обычно это происходило случайно. Точнее, с его стороны это выглядело именно случайностью... Я же очень старалась подгадать время и занять место в очереди. Не всегда удачно,

но несколько раз мне повезло...

А сейчас он сам пригласил. Сам! Господи... Да я готова прогулять конец следующей лекции, караулить у входа в столовую, лишь бы только не упустить такую возможность...

Я рассеянно обвела глазами зал, пытаясь вспомнить, что я там подготовила вчера для первого курса. Чёрт, и тема сегодняшней лекции прямо-таки соответствующая - "выражение любви в античном искусстве и поэзии"...

Улыбнулась, поднимаясь на ноги и выпрямляя спину - пожалуй, впервые я готова говорить со студентами об этом с таким энтузиазмом и погружением в историю, да. Можно даже в записи не заглядывать...

10. Люда

Держать лицо при посторонних - этому мама меня научила с детства. Можно ссориться с ней, с дочерью, можно показывать заинтересованность тем, кто проявляет интерес к тебе, но на людях - полное равнодушие. Почему-то сейчас, войдя в столовую, я вспомнила это правило как никогда ярко...

Эдуард Альбертович уже сидел за одним из дальних преподавательских столов, расслабленно откинувшись на спинку стула. О чём-то мило беседовал с Натальей Юрьевной, зам. директора... Даже не притронулся к стоявшей на подносе еде. Судя по тому, как другие женщины смотрели на них и вступали в разговор, беседа не была приватной, но Эдик явно пользовался своим обаянием и влиянием на окружающих, прицельно раздавая умопомрачительные улыбки каждой из присутствующих за столом...

Ревность. Глубокая, жадная, горячая. Не в первый раз, да. Но сегодня он пригласил сюд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.